

АНТОЛОГИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

В. Т. Томин

ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

Антология юридической науки

Валентин Томин
Избранные труды

«Юридический центр»

2004

УДК 343.1
ББК 67.411

Томин В. Т.

Избранные труды / В. Т. Томин — «Юридический центр»,
2004 — (Антология юридической науки)

Юбилейный сборник избранных трудов В. Т. Томина составлен из статей, учебных пособий, монографий и публицистических работ, вышедших в различных издательствах в течение последних сорока лет научной и педагогической деятельности ученого. Данные работы представляют теоретический и практический интерес для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, а также судей, прокуроров, адвокатов и следователей.

УДК 343.1
ББК 67.411

Содержание

Предисловие	6
Заметки на полях ученых записок	8
Выбор заголовка	9
Дороги, которые мы выбираем	10
Студент	13
Следователь	15
Адъюнктура	19
К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса (1965 год)	23
Понятие цели советского уголовного процесса (1969 год)	30
Привлечение трудящихся к расследованию преступлений (1972 год)	35
От редактора	35
Введение в проблему	36
Факторы активности населения	40
Единство общественных и личных интересов – основа активности	40
Классификация и характеристика факторов активности	45
Первая группа факторов активности – отношение к преступлению	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

В. Т. Томин

Избранные труды

© В. Т. Томин, 2004

© С. П. Гришин, предисловие, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

Предисловие

Для нынешнего поколения ученых и специалистов в области уголовного процесса Валентин Тимофеевич Томин в особом представлении не нуждается. Почти полвека его публикации и выступления вызывают живой интерес не только у тех, кто профессионально связан с наукой и практикой уголовного судопроизводства, но и, как принято отмечать в аннотациях, широкого круга читателей. Кто-то его работы находит яркими и убедительными, кому-то они представляются ортодоксальными. Но в большинстве своем никого не оставляют равнодушными. И в этом редкий талант автора: видеть проблемы и пути их решения в необычном ракурсе, зачастую вопреки позиции именитых коллег и мнений «больших» и «маленьких» начальников.

Оригинальность взглядов и независимость суждений юбиляр начал проявлять (по свидетельству сокурсников) с первых лет обучения на юридическом факультете Ленинградского госуниверситета, а затем на практической работе в качестве милицейского следователя на далеком острове Сахалин. Именно там были написаны первые работы, предопределившие научный путь молодого лейтенанта на долгие годы вперед. И вот уже сорок лет профессор В. Т. Томин преподает уголовный процесс слушателям специализированных вузов Министерства внутренних дел, сначала в Омской, а затем в Нижегородской (Горьковской) высших школах (ныне Академиях МВД РФ).

В Омской высшей школе милиции МВД СССР им был начат цикл работ по привлечению населения к участию в расследовании преступлений. Эта тема принесла автору широкую известность и более чем на десять лет стала основой многочисленных публикаций, проектов нормативных актов, методических рекомендаций и наставлений сотрудникам органов дознания и предварительного следствия. На мой взгляд, и сегодня проблема увеличения народного элемента в уголовном судопроизводстве остается такой же актуальной, как и тридцать лет назад, когда книга В. Т. Томина «Привлечение трудящихся к расследованию преступлений» увидела свет. Многие идеи, высказанные автором в то далекое время, сегодня обретают особый смысл и понимание.

Будучи не только по своему служебному положению, но и по самой сути настоящим милиционером, В. Т. Томин уделяет особое внимание вопросам повышения авторитета правоохранительных органов вообще и милиции в особенности. Его публицистические работы заставляют по-новому взглянуть на работников милиции и увидеть то, что видит в оперативных работниках и следователях, постовых милиционерах и участковых уполномоченных сам автор. Книга «От первого лица» далеко не единственная в этой серии. В различных издательствах в разные годы были опубликованы: «Быть гражданином», «Рядом с тобой», «Кто, если не ты?» Их общий тираж превысил 100 000 экземпляров. Нет сомнений, что читатели томинских книг стали другими глазами смотреть на сотрудников правоохранительных органов.

Из более трехсот научных статей, опубликованных юбиляром в разные годы, в настоящий сборник избранных трудов вошли чуть более десятка. Две из них, ставшие хрестоматийными, о цели и принципах уголовного процесса. Изданные в середине и конце 60-х годов прошлого столетия, они вошли в число самых цитируемых по этой проблематике. Интерес к ним не угасает и сегодня. Остальные из представленных здесь публикаций появились в последнее десятилетие, в годы реформирования уголовно-процессуального законодательства и разработки нового Уголовно-процессуального кодекса.

Сказать, что автор был просто озабочен тогдашними тенденциями в реформировании уголовного процесса – значит сказать очень мало. Каждая из статей – крик души ученого и профессионала об ошибках и противоречиях в декларируемых моделях развития российского уголовного процесса, о вопиющем разрыве между предлагаемыми новациями и реальным положением дел в борьбе с преступностью. Не политический задор, а душевная боль сквозит в каждом

его слове о безответственных предложениях новоявленных реформаторов. Напоминая о старинном, хотя и жестоком, обычае, когда инициатор совершенствования закона должен был выступить с предложениями *de lege ferenda*, надев на шею петлю, что свидетельствовало о неотвратимой быстроте расплаты за непродуманные инициативы, В. Т. Томин писал: «Я готов вносить предложения на таких условиях. Впрочем, мне, знакомому с реалиями современного уголовного судопроизводства, вместе с большинством нормальных судей и следователей ничего другого, как повеситься, и не остается, если начнет реализовываться эклектическая концепция судебной реформы, оглашенная на Всероссийском съезде судей и проштампованная Верховным Советом». Это не громкая фраза и не популизм – это жизненная позиция ученого, чьи научные разработки строятся на глубоком анализе практики уголовного судопроизводства.

Знакомясь с представленными в избранных трудах работами, читатель имеет возможность увидеть, над чем трудились, какие научные и практические проблемы пытались решать ученые-процессуалисты на протяжении последних сорока лет. Какие-то вопросы потеряли свою актуальность, какие-то, – напротив, приобрели дополнительную значимость.

Особое место в этом ряду занимает написанная в 1990 и опубликованная в 1991 году монография «Острые углы уголовного судопроизводства». Разбирая сложившиеся противоречия между должным и сущим во всей системе управления борьбой с преступностью, В. Т. Томин предложил комплекс радикальных на тот момент мер по разрешению противоречий и повышению эффективности уголовного судопроизводства. Осуществить их не удалось по причинам, от автора не зависящим: Советский Союз как государство перестал существовать, а новая концепция развития уголовного процесса в ее первоначальной редакции мало соответствовала взглядам и убеждениям ученого. Это совсем не означает, что высказанные в монографии идеи сегодня принадлежат только истории. Нет сомнений в том, что многие из предложенных автором новелл еще будут востребованы законодателем, а практические рекомендации найдут применение у следователей, прокуроров и судей.

В одной из публикаций В. Т. Томин назвал себя полицейским профессором. Надо полагать, не только потому, что многие годы своей жизни проработал в милицеских вузах (от себя добавлю: и тысячи сотрудников криминальной милиции России и аналогичных структур в странах постсоветского пространства по праву называют себя учениками В. Т. Томина). Дело, скорее, в другом, в мироощущении юбиляра, в его особом взгляде на то, что происходит в сфере борьбы с преступностью. Он, безусловно, за реформы и перемены в уголовном судопроизводстве. Множество публикаций последних лет и частично представленные в настоящем сборнике избранных трудов статьи – достаточное тому свидетельство. Но за реформы справедливые, сбалансированные, учитывающие особенности того положения, в котором оказалось российское государство и общество на современном этапе развития. И как всякий порядочный полицейский в жизни, В. Т. Томин в своих работах демонстрирует уважение к законности и правопорядку, правам и интересам участников уголовного судопроизводства, а также ко всем тем, благодаря кому расследуются и разрешаются уголовные дела: дознавателям, следователям, прокурорам и судьям.

Поэт сказал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». В работах В. Т. Томина отражено время, в котором он жил и, Слава Богу, живет.

Заслуженный юрист Российской Федерации
С. П. Гришин

Заметки на полях ученых записок

Учиться надо весело!

Эпиграф, который читатель только что прочел, взят из Практикума по советскому уголовному процессу. Я сам придумал этот Практикум, еще будучи заместителем начальника Омской высшей школы милиции МВД СССР по учебной и научной работе.

Впрочем, «расцвело» это пособие несколько позже, уже в Нижегородской высшей школе МВД. У меня есть подборка писем, и я горжусь ими, от многих (не тысяч, конечно) процессуалистов, высоко оценивавших этот Практикум. Друзья – понятно. Но со многими авторами писем мы стали друзьями позже, как раз на почве Практикума. Среди них – минчанин Евгений Александрович Матвиенко, который произнес слова, запомнившиеся навсегда, хоть они и были сказаны совсем не по поводу Практикума. Он сказал их, когда вез меня на поклон в сожженную фашистами Хатынь: «Унас в Белоруссии только две национальности: партизан – не партизан».

Тем не менее сейчас я думаю, что в трех словах, вынесенных в эпиграф, – не вся посконная, она же домотканая, правда-то есть. Для того чтобы слушатели или студенты могли учиться весело, **надо весело учить.**

Выбор заголовка

Никита Богословский обнародовал «Записки на полях шляпы». Последовать его примеру? Однако, шляпы я давно не ношу. Можно было бы, конечно, обозвать это предупреждение записками на манжетах сорочки... Но что скажет редактор? Поэтому пусть будет как есть: «Заметки на полях ученых записок». А, может быть, лучше: «Записки профессионального уголовного». Обозвать себя уголовником, выступая перед населением, – это был беспроигрышный вариант. Вначале непродолжительная тишина, свидетельствующая о недоумении. Затем, как пишут в стенограммах, оживление в зале. И – минимум 10 минут форы у лектора. А если за это время он не сумел завоевать внимание аудитории, то ему надо не лекции читать перед населением, а делать что-нибудь другое. Торговать пивом, например. «Доходней оно и прелестней». И языковой жанр требуется совсем другой, чем лектору.

Сейчас уже затруднительно точно установить авторство. Я следующий афоризм воспринял в свои «омские времена» как принадлежащий А. А. Герцензону: «Лектор должен знать в сто раз больше, чем скажет».

Дороги, которые мы выбираем

Юристом, если судить по внешнему ходу событий, я стал случайно. Окончив в 1952 году среднюю школу, я ехал из города Молотова¹ в Москву сдавать документы в МИМО (Московский институт международных отношений). Медаль, приличное знание иностранного языка – публично (в стенной газете, посвященной выпуску) объявил в школе, куда буду поступать. Приехал, помнится, на Ярославский вокзал и прибыл к Крымскому мосту... после окончания рабочего дня в приемной комиссии. Она заканчивала работу на час раньше, чем я предполагал. Может быть, на час раньше, чем в нормальных вузах. «Приходите завтра!» Молод был – не расстроился. Поскольку билет дальше, на юг, к месту моего рождения – городу Мариуполю² был уже куплен, я решил, что документы отошлю почтой, и отправился уже на Павелецкий вокзал.

Документы, спустя несколько дней, я действительно отправил, но только не в МИМО. На юридический факультет Ленинградского государственного университета. Потом я думал: отчего такие перемены в намерениях? Мама предоставила мне полную свободу в решении этого вопроса. Так что о ее давлении не может быть и речи. Мы с ней три года вдвоем промыкались в эвакуации – «выковыренные», так называли нас в деревне Свищевка Пензенской области – и друг другу доверяли. Отец у нас погиб в августе 1941, защищая советский город, мать городов *русских* – Киев. Он, вначале беспризорник, а затем политработник, недоумевал бы, если б ему сказали, что Киев станет столицей иностранного государства.

Размышляя, решил, что главный фактор, повлиявший на изменение выбора, – география. Я числил себя ленинградцем. Ребенком я бывал в этом прекрасном городе и раньше, но переехали мы туда на постоянное местожительство позже, сразу после войны. Тогда на местных ребятах, да и на мне тоже, что называется, все ребра можно было пересчитать. Некоторые девочки в пионерских лагерях из-за этого стеснялись раздеваться. У меня до сих пор сохранилась групповая фотография, на которой все в трусах, а одна девочка в вельветовом платье с узким белым воротничком.

В Ленинграде в 55-й школе я доучился до седьмого класса. Уехал не по своей воле – появившегося недавно и, можно сказать, внезапно отчима, геофизика и поклонника Бердяева, перевели в Коканд, потом в Пермь. В Коканде, может быть, до сих пор растет мое дерево – дерево, которое я сам, в одном ряду со своими одноклассниками посадил во дворе школы.

То, что я скажу дальше, вряд ли может быть понято современным читателем: мама уехала, **возвратив государству полученную от него комнату**. На Невском.

С 1944 года (*sapienti sat!*) болел и болею за «Зенит». Именно в этом году футбольная команда послеблокадного города в финале кубка СССР одолела ЦДКА, главную армейскую команду. Если честно, в душе я и сейчас чувствую себя ленинградцем. Очень тяжело переживал его переименование. До сих пор не могу понять, как блокадники позволили это сделать. Ведь никакой не Санкт-Петербург, а именно Ленинград был героем и жертвой величайшего и трагичнейшего события в своей истории – Блокады. Не к сант-петербуржцам обращался ста-

---

¹ В связи с моей сильно кочевой – по разным причинам – жизнью в этих автобиографических заметках будет много географических названий. Они будут звучать так, как звучали в то время, когда имели место события, о которых идет речь. Город Молотов – это Пермь. Я полагаю, что и о самом Вячеславе Михайловиче Молотове мне придется упомянуть еще, по крайней мере, два раза.

² Наверное, в то время он – уже и еще – назывался городом Ждановым. Меня всегда смущало вольное обращение с историческими названиями. Создал, сотворил что-нибудь – вот и наименовывай как душе угодно. А если сделал и наименовал кто-нибудь другой, в силу своих, творца, соображений и чувств, то ты уж не трогай. К слову, у меня такое же отношение и к так называемому возвращению исторических названий.

рый акын Джамбул Джабаев: «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!» Когда он пел эту песню, ему было 95 лет... а мне – восемь.

К переименованиям, в том числе и к *возвращению исторических названий*, следует относиться с осторожностью. И с открытой душой.

Я чувствую, что ситуацию с внезапным изменением выбора вуза я проанализировал не до конца. Ну, хорошо, изменил город, потому что Ленинград был ближе сердцу, чем Москва. Но почему юриспруденция, хотя вначале был институт международных отношений? Конечно, я тогда не знал, что знаю сейчас. По моему сегодняшнему глубокому убеждению, убеждению человека, кое-что смыслящего в юриспруденции, международное право не есть право. Международное право – это облекаемое в обтекаемые слова преимущество в силе одного государства перед другим. У кого кулак больше, или у кого в кулаке железка спрятана. Разве мыслимо было считать правовыми действия США против Югославии и Ирака до второй половины 80-х годов прошлого века? Нынешний демократический мировой жандарм побаивался СССР!

Международное право – не право вовсе, такое утверждение не оскорбляет эту мировую регулируемую систему. Мое утверждение – из адекватной характеристики его. Любовь, к примеру, не наука. Это ведь не плохо, как, впрочем, и не хорошо. Просто так есть. Так и феномен, называемый международным правом, – это плод межгосударственных соглашений, за которыми скрываются, иногда умышленно, сила, интересы и предпочтения сторон.

Впрочем, вернемся к поставленному вопросу – почему именно юридический факультет? Наверное, и этому есть объяснение. Случайность есть форма проявления закономерности. Наверное, ситуация, о которой я сейчас поведаю, жила в моем подсознании и воспитывала, воспитывала, подчас давила... В 1948 году в стране отменили карточки. Хлеб стало возможным покупать просто за деньги. В первый же день новой эпохи мне дали сто рублей, не предостерегали, чтоб я не потерял карточки, и отправили за хлебом. Весенний день был солнечным и светлым. Или таким он сохранился в моей памяти. Я не пошел в булочную, которая была рядом с домом, в которую ходил повседневно. Нет, я торжественно прошествовал на Большой проспект Петроградской стороны. Ленинградцев в магазине было много. Они были не только покупатели, но и экскурсанты. Смотрели на хлебобулочное великолепие и не могли наглядеться. Прежде чем купить заказанное домашними, я не вытерпел и купил себе бутерброд. Это позволялось. Бутерброд был сказочным. Аккуратный прямоугольник ржаного хлеба (мама запрещала мне говорить «черный» хлеб) и на нем – ломтик вареной колбасы. Чтобы съесть это великолепие, наслаждаясь, я вышел из толчеи магазина.

Солнечный и светлый весенний день вдруг стал черным. Передо мной стоял парень, лица которого я совершенно не запомнил. Он *улыбался* и говорил мне:

– Сегодня выходит из тюрьмы Слон. Нужны бабки. Я видел – у тебя сотенная. Гони ее сюда. Если не дашь, извини, мне придется пописать тебе личико.

Полагаю, что юристам не надо переводить с *фени* (блатной музыки). Что такое *пописать* и что такое *письмо*, знают сегодня и многие неюристы. Я знал, что не подчинюсь насилию. И не потому, что деньги, а потому, что Хлеб. Мне шел четырнадцатый год. Закричав что-то дурным голосом, я бросился на улыбчивого подонка головой вперед. Не знаю, на что я рассчитывал. Грабителя, вместе с его *письмом*, как ветром сдуло. Я уткнулся головой в милицейскую гимнастерку. По-моему, она была белой, парадной. Военному мальчишке плакать – позор. Я пытался сдерживаться, но тщетно. Я плакал, сжимая в руках бутерброд, скорее, то, что от него осталось. Я плакал, наверное, от осознания своей прошедшей беспомощности и от радости освобождения от нее, которая пришла вместе с милиционером, умевшим не только смотреть, но и профессионально видеть.

А пожилой милицкий старшина несколько растерянно даже гладил меня по голове. Думаю, и этот старшина заложил кирпичик в то, что я оказался на юридическом факультете Ленинградского университета. Ведь для меня тогда принципиальных различий между

милицией и юстицией не было. Впрочем, для меня их нет и сейчас. Убежден, выделение той или иной элиты из делающих общее дело правоохранителей не только вредно для дела, но и безнравственно.

Вероятно, были еще детерминанты, подталкивавшие меня к правоведению. О части из них я забыл, на другие своевременно не обратил внимания. Однако есть два факта, о которых я забыть не в состоянии. Один из них, хронологически первый, имел место в Ленинграде. Трамвай шел по улице Максима Горького, что на Петроградской стороне. Справа там, непосредственно у трамвайных путей – ограда, металлическая решетка. Вагон трехдверный, именовавшийся почему-то *американкой*. Я в середине, стиснутый окружающими. Вдруг какое-то волнение на задней площадке. Крик! Сам я не видел тела, распростертого на копьях ограды. Из всеобщего обсуждения понял, что произошло. Пойманный за руку карманный вор пригрозил поймавшему *письмом*. Стоявшие рядом мужчины молча выбросили его из вагона. Как они открыли автоматическую дверь, не ведаю. Трамвай не остановился. После очередной остановки он пошел дальше почти пустой.

Второй факт имел место, когда я заканчивал школу. Мне написали из Мариуполя, что моя двоюродная сестра Нина умерла. Она тоже заканчивала школу и строила планы на будущее. Ее изнасиловали. От причиненных повреждений, полагаю, не только физических, она очень скоро умерла.

Студент

Экзамены мне сдавать было не надобно: медаль. На собеседование меня почему-то не вызвали, поэтому я приехал в Ленинград прямо к началу занятий. Юридический факультет (он, как и я, – путешественник) тогда помещался в здании истфака. Кров мне предоставил дядька геолог, и с тех пор для меня Петроградская сторона – родной дом, а Кировский (сейчас Каменноостровский) – лучший проспект в Ленинграде.

Со своими будущими сокурсниками я встретился первого сентября, как сейчас помню, в сотой аудитории. Сокурсникам было легче, они перезнакомились между собой во время сдачи экзаменов. Я подпирал стенку. Вдруг ко мне подходит, нет, подлетает энергичный улыбающийся парень без обеих рук: «Ты – уголовник?» Вопрос явно преждевременный, поскольку специализация обозначалась только на 4-м курсе. Но таков был Валя Тетеркин, потом – председатель суда в Северодвинске. Большой драчун (дрался он ногами) с прекрасным почерком. Он писал, сжимая ручку двумя култьями.

На факультете был прекрасный педагогический состав. Начать, видимо, надо с академика. Тогда академиков среди правоведов было очень мало. У нас – один. Зато настоящий. Зато Анатолий Васильевич Венедиктов, специалист по государственной собственности. Лекций он на нашем курсе, к сожалению, не читал, но все мы все равно его знали.

Не помню, кто у нас читал первую лекцию. Зато отчетливо помню, как начался первый семинар по уголовному процессу, было это уже не на первом курсе. В аудиторию вошла красивая молодая женщина. Вместо того чтобы усесться за преподавательский стол, как это делало большинство педагогов, она поместилась перед ним, укрепила на столешнице крепкие ягодицы (обстановка в аудитории это позволяла: между преподавательским и первым в ряду студенческими столами было достаточно пространства) и произнесла первые слова. Это были совсем неожиданные слова. Во всяком случае, от других преподавателей мы таких «тирад» ранее не слышали. «Меня не очень интересует, хотите ли вы знать мой предмет или не хотите. Вы его будете знать!» Может быть, именно из-за нее я и стал процессуалистом. Став преподавателем, в течение первых лет я начинал занятия в каждой новой группе с рассказа о том, как у нас начала первое занятие Полина Соломоновна Элькинд.

Поскольку она вела занятия в нашей группе, то и моей курсовой по уголовному процессу руководила она. По давней привычке работать самостоятельно я принес ей текст курсового сочинения на кафедру практически готовым. Его название звучало так: «Роль граждан в охране социалистической законности». Достав откуда-то большой и толстый ярко красный карандаш, Полина Соломоновна решительно потянулась им к слову *охрана*:

– Не охрана, конечно. Соблюдение. Как граждане будут охранять? Они должны соблюдать законы!

Я не менее решительно остановил ее. Каким именно способом, я сейчас уже не могу себе представить. На юрфаке обычаи и нравы – университетские.

– Простите, не соблюдение, а именно охрана. Гражданин в социалистическом государстве активен, он не объект, он – субъект активной деятельности по охране законности.

Поскольку Полина Соломоновна была не намного старше меня, она с горячностью пыталась меня переубедить. Я не поддался. И тема эта, конечно не название ее, а суть, с тех пор все время рядом со мной. Я защитил кандидатскую диссертацию, которая именовалась так: «Привлечение трудящихся к расследованию преступлений следователями министерства охраны общественного порядка». Для молодых сообщу: был период в нашей изменчивой жизни, когда в стране не было МВД, а было МООП.

В русле этого же направления – взаимодействия органов внутренних дел с населением – была и докторская диссертация. Однако о ней чуть позже. Словом, идея широкого участия

народного элемента в уголовном судопроизводстве, овладевшая мною на втором курсе, потом сопровождала меня всю жизнь.

Следователь

В 1992 году мне довелось выступать перед студентами Джорджтаунской школы права в Вашингтоне. Они аплодисментами встретили рассказ о системе распределения выпускников юридических вузов в Советском Союзе. В процессе *демократизации* весьма положительную, для выпускника без связей просто необходимую, систему эту, как и многое другое, сейчас реформаторы разрушили.

В 1957 году система распределения действовала вовсю. Еще сохранялось и право выпускников, получивших дипломы с отличием, идти первыми в комиссию по распределению.

До конца 50-х годов выпускники университетов шли в основном в юстицию (нотариусами, юрисконсультами), в адвокатуру, прокуратуру. Те, кому исполнилось 25, – в судьи. Такого рода вакансии и стал мне предлагать председательствующий.

– Простите, – сказал я, – нельзя ли в милицию? На передний край борьбы с преступностью.

Последнего, впрочем, я, наверное, не говорил – подумал только. Может быть, громко подумал. Меня и слышали. Читатель помнит, наверное, полубыль, полуанекдот. Обвинявшийся в нецензурной брани в общественном месте оправдывается:

– Да, никого я не материл. Про себя подумал только, а меня, наверное, и слышали.

Затерявшийся среди других представителей ведомств подполковник милиции оживился. Извиняющимся голосом сообщил, что в самом Ленинграде предложить ничего не может: с жильем плохо, а вот в районы Ленинградской области – пожалуйста. «С предоставлением квартиры!» – подчеркнул подполковник.

– Простите, – вновь обманул я ожидания членов комиссии. – Нам бы с женой куда подальше: на Колыму или на Камчатку.

Подполковник словно обрадовался даже. «Давай на Сахалин! – перешел он на ты, вызвав некоторое неодобрение среди представителей других ведомств. – Там погода все-таки лучше, чем в Петропавловске или Магадане».

Словом, 13 сентября 1957 года с борта теплохода «Якутия» в сахалинском порту Холмске высадился немногочисленный, состоящий из двух будущих лейтенантов (потом полковников) милиции десант. В кадрах Управления внутренних дел Сахоблисполкома нас встретили на ура, ибо я у них в системе стал шестым работником с высшим образованием. Шестым потому, что пятым стала жена. Наше прибытие существенно улучшило у них соответствующий показатель в отчетности. Нам сказали, что в самом Южно-Сахалинске имеются две вакансии: преподавателя учебного пункта и следователя. Тут же в кабинете заместителя начальника Управления по кадрам мы с женой провели одноминутное экспресс-совещание, в результате которого я и стал следователем следственного отдела.

Коллеги по подразделению встретили меня несколько иначе, чем кадровики. Для них количество лиц с высшим образованием не входило в учетно-оценочные показатели. Определенный мне в шефы опытейший работник, старший следователь Михаил Гаврилович Борискин, его вообще не имел. В войну он был водителем бензовоза. Заместитель начальника отдела Николай Перхуров после прихода в милицию, также из армии, служил регулировщиком и лишь затем, добрав недостающее до среднего образования количество классов, переместился в следственный отдел, где вскоре стал заместителем его начальника – Я. Н. Браславского. Яков Наумович пришел из КГБ и имел нечастое в то время звание полковника милиции. Однако в его военном билете, хранившемся в кадрах, значилась *вус* (военно-учетная специальность) под номером один, иными словами, рядовой необученный. Все официальное образование полковника завершилось в третьем классе начальной школы. Однако это был один из самых обра-

зованных и культурных офицеров в Управлении, чего он достиг упорным и каждодневным самообразованием.

За исключением его и еще нескольких сотрудников, переведенных из Управления КГБ по Сахалинской области, все остальные офицеры и старшины УВД были рекрутированы из армии, освобождавшей Южный Сахалин от японцев в августе 1945 года и здесь же расформированной.

Сослуживцы меня встретили не то что с опаской – с некоторой настороженностью. Все же в их отдел пришел первый универсант с полученным на стационаре высшим юридическим образованием. Как поведет себя? Не станет ли, козыряя образованием, претендовать на должность старшего следователя?

Однако, видимо, я повел себя нормально, вскоре настороженность сменилась незлой иронией. Я не умел многого из того, что умели они. Иногда не умел самого элементарного. Первый вопрос, с которым я обратился к своему шефу, касался оформления требования о доставке обвиняемого из тюрьмы для производства следственных действий. Впрочем, мое университетское образование имело и более значимые пробелы. Мой наставник, повторюсь, из водителей бензовоза, куда лучше меня знал бухгалтерский учет. Правда, я тут же поступил на курсы бухгалтеров.

Сложнее было с отсутствием не только навыков, но и просто информации об оперативно-розыскной работе. И. И. Карпец уже позже начал читать пятикурсникам юридического факультета ЛГУ курс, дающий хоть какое-то представление об ОРД. Игорь Иванович мог дать в этом отношении студентам очень много. Он, начав служить в милиции в должности начальника НТО (научно-технического отдела), прошел затем и следственный отдел, и уголовный розыск в УВД Ленгороблисполкомов, пока не переехал в Москву и не побывал там и начальником ГУУР, и директором НИИ прокуратуры, и начальником ВНИИ МВД СССР. Он мог сказать очень много, однако его держал за язык гриф «секретно». Но хоть какой-то курс читался. В мои же годы самого слова ОРД в университете не было. Явление было, а слова не было. Тем более не было таких слов, как агент, информатор и т. п.

Между тем только в 1956 году, может, чуть раньше отменили приказ Министра, по которому каждый следователь органов внутренних дел был обязан иметь на связи информаторов для получения информации *по низу*. Теперь работу с информаторами был обязан вести оперуполномоченный. Но одно дело приказ, другое – привычки, установки, устоявшиеся каналы связи, одним словом – инерция.

Поскольку доучивали меня после университета посредством бросания в воду – традиционным русским способом: выплывет – молодец, значит, научился плавать, не выплыл – жаль бедолагу, но, зная, такова судьба, то и оперативно-розыскному делу меня учили таким же манером. Буквально по второму уголовному делу, оказавшемуся в моем производстве, понадобилось оперативное сопровождение. Майор милиции Перхуров позвонил начальнику отдела БХСС, переговорил и повесил трубку.

– Сходи-ка к Дерябину. Он тебе скажет, что делать.

Я пошел в соседнее здание. В кабинете начальника БХСС был народ, но он махнул рукой, приглашая зайти. Я зашел.

– Через полчаса тебя ждет Плетнев.

А. Ф. Плетнев – это заместитель начальника УВД. Я вопросительно посмотрел на Дерябина.

– Он сам скажет, что найдет нужным.

В назначенное время я был возле кабинета заместителя начальника Управления. Никакой приемной. Я не очень уверенно постучал. Ждать не пришлось. Александр Федорович работал с бумагой. Когда я вошел в кабинет, он закрыл папку, в которой она лежала, и положил папку в сейф. Потом сел за приставной стол напротив посетителя. Поинтересовался делом.

Я подивился глубине его вопросов. Поинтересовался, что я надеюсь получить от оперативного обеспечения. В целом одобрил, кое-что прокомментировал. Затем сказал:

– Сейчас я дам вам уникального человека. Будет работать с вами до того, пока не вынесут приговор. Станете помещать в КПЗ, позаботьтесь, чтобы их в камере было трое. Меньше – подозрительно, больше – будет мешать работе. Только смотрите, не пейте с ним водки.

Затем мне дали адрес и назвали время встречи.

– Адрес не записывать. Перхуров доложил, что вы несколько рассеянны.

– Простите, я могу задать вопрос? О том, что меня надо предостерегать против питья водки с информатором вам тоже сообщил заместитель начальника отдела?

– Задать-то вопрос вы можете... Впрочем, я вам отвечу. Обязанность начальника – знать своих людей. Перхуров докладывал мне как куратору вашего отдела, что водки вы пока вообще не пьете. А пьете, еще понемногу, правда, коньяк и порядочно пива.

Я вышел и посмотрел на часы. Весь прием у полковника Плетнева занял пятнадцать минут.

Так началось мое приобщение к ОРД. Получилось, что основам и нюансам работы *по низу* меня учил информатор. Он – обозначим его Н. – был действительно уникальным человеком. Меня несколько смущала лишь его нескрываемая ненависть к разрабатываемым расхитителям. Я посчитал некорректным поинтересоваться причинами этого и, может быть, зря. Наши пути пересекались с Н. еще несколько раз, и каждый раз он работал очень эффективно. Именно с тех пор я стал думать, что ОРД – это искусство, искусство общения с людьми.

Позднее я узнал и о причинах, почему этот человек оказался на связи у заместителя начальника управления по оперативной работе. Оперуполномоченный, у которого Н. был на связи первоначально, пришел к Плетневу и сказал, что он не может справиться с Н., а терять такого информатора было бы бесхозяйственно.

О трагической дальнейшей судьбе этого человека я узнал уже позднее, вернувшись после пребывания в адьюнктуре на Сахалин уже в другом качестве.

Дело, в связи с производством по которому я познакомился с Н., было вторым в моей следовательской карьере. Оно было достаточно сложным, а обвинение в хищении социалистической собственности весьма тяжким. Кажется, за него я даже получил стандартную премию в триста рублей.

Первое же дело по фабуле и доказыванию было гораздо проще. Для меня оно стало сложным в другом плане. Я не был уверен, что обвиняемого надобно арестовывать. А между тем существовала практика: по каждому обвиняемому составлять постановление о заключении под стражу и идти за санкцией. А дальше, как скажет прокурор. Так меня ориентировал и наставник. Однако я поступил иначе. Я позвонил в тюрьму едва мне знакомому тамошнему оперуполномоченному и попросил его на пару часов поместить меня в камеру. Тот усмехнулся, сказал: «Приезжай».

Тюрьма была еще японской постройки, не очень ухоженная. Опер велел оставить у него оружие, документы и повел меня по коридорам. Должен сказать, лязгающие за спиной, отгораживающие тебя от мира запоры не способствуют созданию хорошего настроения. И вот – камера. Меня впускают в нее, опер подмигивает – спасибо ему за это – и уходит. Запомнилась совсем мертвая тишина с обильной начинкой из очень далеких звуков. Опер вернулся не через два часа, как условились, а через час. Я не стал настаивать на продлении срока.

Тому обвиняемому, чье дело было у меня в производстве, в качестве меры пресечения избрал подписку о невыезде. Не тюрьму.

В заключение фрагмента о следственной работе мне хотелось бы сказать несколько слов обо всех офицерах, пришедших в органы внутренних дел после фронта. Тогда, в повседневном общении, больше бросались в глаза их индивидуальные черты. Сейчас – большое видится на расстоянии – вырисовывается их общая, групповая характеристика. Эти люди не могли себе

представить, как можно прервать неоконченную работу только потому, что окончился рабочий день. Не очень твердое знание права восполнялось знанием жизни, неисчерпаемым здравым смыслом и великой трудоспособностью. Правда, с грамотностью и стилистикой у многих из них было плоховато.

Мне кажется, что именно отсюда «растут ноги» устоявшегося в быту нашего уголовного судопроизводства обычая – содержание записанных оперативными уполномоченными объяснений переписывать в протоколы допросов. В следователи брали тех, кто писал получше. Но только, спрашивается в задачнике, зачем это (тратить время, и не только свое, на переписывание объяснений в протоколы допросов) делать сейчас, при нынешнем образовательном уровне оперативников? Не становятся ли методы работы следователей, спрашиваю я себя, все более кабинетными?

И еще эти офицеры не умели отдыхать. Я перенял у них многое, чем сегодня дорожу. И отдыхать тоже не умею. Этому они меня не научили.

Личным примером они учили меня работать. Когда меня спрашивают, а журналисты это делают часто, каково мое хобби, я отвечаю, что сейчас мое основное увлечение – это мои ученики.

Мое первое пребывание на следственной работе дало практическое, а затем и теоретическое приращение к развитию темы участия народного элемента в уголовном процессе – взаимодействия с УМИИП (учреждениями массовой информации и пропаганды). Чаще говорят о взаимодействии со *средствами* массовой информации. По-моему, это неточно.

Адъюнктура

Что меня смущало в следственной работе – так это отсутствие реальных возможностей разрешиться от бремени распирающих меня аналитических потребностей. Как я уже сказал, я не умею отдыхать. Но свободное время все же иногда бывало. Значительную часть его я тратил на то, чтобы побуждать, как написал потом, неопределенный круг лиц, обладающих информацией, полезной для производимого расследования, к самовыявлению. Иными словами, сотрудничал с местными газетами, писал в них, страшно сказать, фельетоны. Правда, не только фельетоны. Нередко это помогало. Я надеюсь, что Омская Академия МВД РФ переиздаст к моему 80-летию написанную в омский период и посвященную факторам активности населения в правоохранительной сфере одну из любимых моих книг – могут же у автора быть пристрастия! – «Привлечение населения к расследованию преступлений». Я, в частности, делюсь в ней опытом сотрудничества с журналистами.

Словом, я все больше приходил к выводу, что у меня, во-первых, не хватает нетрадиционных знаний для эффективной следственной работы и, во-вторых, мне необходимо квалифицированно проанализировать тот материал, который я накопил, служа обществу в качестве следователя, и рассказать коллегам о результатах такого анализа. Выход из создавшегося положения подсказал приказ Министра, объявивший прием в адъюнктуру Высшей школы МВД СССР (после серии преобразований сейчас это Академия управления МВД РФ).

Следственная работа привела меня к убеждению, что научно-исследовательскую работу надо совмещать не с преподавательской, а с практической. С этой идеей в 1961 году я поехал поступать в адъюнктуру. Идею эту разделяли далеко не все, но я все же добился своего и по окончании адъюнктуры вернулся на Сахалин уже на руководящую следственную работу. Кандидат наук в следственном отделе – боюсь, что в то время кое-кто смотрел на меня, как на экспонат кунсткамеры.

Научным руководителем мне назначили заведующего сектором Института прокуратуры профессора И. Д. Перлова, одного из самых продуктивных авторов в советской правовой науке. За исключением, может быть, М. С. Строговича и В. М. Чхиквадзе. Правда, тогда мы еще не знали о продуктивности некоторых современных авторов.

Илья Давидович был уверен в том, что говорил. «Значит так, – сказал он, встретившись со мной, – будем писать следующую тему...» – «Простите, Илья Давидович, но у меня есть не только соображения по теме. Я привез сто пятьдесят страниц текста, который, надеялся, прочтет научный руководитель при обсуждении диссертационной проблемы». Словом, я писал диссертацию по *своей* теме. Илья Давидович даже сказал как-то: «Сочинять диссертацию – это ваше дело. Мое – организовать защиту».

Защита проходила с приключениями. В то время кандидатов наук в системе органов внутренних дел было немного, так что все авторефераты проходили через письменный стол министра. Я не могу утверждать, что исключений не было. Мой, во всяком случае, там побывал. Министру не понравилось, что я сравнил часть населения страны с афинскими аристократами, которые скорее позволили бы арестовать себя рабу, чем пошли бы служить в жандармерию. Министр вызвал к себе начальника кафедры, при которой я проходил адъюнктскую подготовку – С. В. Бородин и научного руководителя (меня почему-то не вызвали, может, потому, что уже не было в Москве). Министр, при котором находилось два его заместителя, пообещал собеседникам, что, если мы не согласимся отозвать автореферат и отложить защиту, он пришлет на заседание диссертационного совета двух своих заместителей и они покажут диссертанту «кузькину мать».

Таким образом, у меня по одной кандидатской диссертации – два автореферата. Сам проверял в библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Вернувшись на Сахалин, я узнал о трагической судьбе Н. Он тяжело и надолго заболел. В больнице его навещали немногие. Среди них тот оперуполномоченный, у которого он был на связи вначале. После его смерти родственники отказались взять тело. Скромно похоронили Н. сотрудники УВД.

Генерал и четыре хулигана: появление в системе МВД третьего вуза

«На материк, на материк идет последний караван». Я приехал защищаться, как оказалось, в буквальном смысле этого слова уже с Острова. Совсем не нервничал. Может быть, зря. Министровы слова в ведомственном совете, в котором, кроме ученых, достаточно чиновников, могли аукнуться. Дискуссия была горячей, но доброжелательной. А слова действительно аукнулись – при голосовании. Четверо из отголосавшихся в дискуссии проголосовали против. Я не расстроился. Тем более, что это не сказалоcь на принятии решения: тот совет был велик. А я, к слову, и не люблю голосований «на ноль». Да и ВАК диссертация прошла, помнится, неожиданно быстро. Тронули неформальные поздравления двух сторонних для МВД членов совета. Эти поздравления последовали до объявления результатов голосования.

Когда же результаты были объявлены, присутствовавший на защите начальник Управления учебных заведений МВД генерал Н. Н. Бокарев вместе с поздравлениями пригласил меня на следующее утро появиться у него. Я появился, уже проинформированный, что УУЗ прорабатывает вопрос о создании в Омске третьего в стране юридического вуза в системе МВД.

Генерал начал с того, что это не по-государственному держать кандидата наук на моей теперешней должности. Я вообще-то не хотел уезжать с Сахалина, я считал, мне еще пару лет надо было бы там поработать, и попытаться объяснить это начальству. Однако генерал хитрый был. Он предложил мне командировку в Омск: посмотрите, дескать, город, вы ведь в нем никогда не бывали, познакомьтесь с начальником школы. Ну, я и согласился.

А в Омске меня встречают уже собранные в стенах будущей школы закадычные друзья по адъюнктуре: А. И. Марцев, В. П. Бахин, Д. Д. Максаров. Словом, создали мы вместе с генералом И. Р. Алексеевым, отличным человеком и опытейшим руководителем, ей-богу, совсем неплохой вуз. Но мне не хочется рассказывать об этом этапном для меня периоде своей жизни скороговоркой. Может, напишу когда-нибудь книгу «Юристы, которых я знал». В ней будет рассказано и о том, как мы работали по 25 часов в сутки, и о том, как будущий Заслуженный деятель науки проиграл мне в шахматы свою шевелюру, а от сострижения ее увиливал. Тогда я привел его в парикмахерскую, пошел к мастеру первым и состриг свою шевелюру. Другу не оставалось делать ничего другого, и он тоже уныло поплелся к своей «мастерице». Очень хочется написать такую книгу. Я, собственно, начал писать ее несколько лет назад и продвинулся достаточно далеко. Однако, болезнь века – компьютерный вирус.

В Омске я прошел практически всю лестницу преподавательских должностей: и. о. доцента – начальник кафедры – заместитель начальника школы по учебной и научной работе.

Снова начальник кафедры

В 1974 году я развелся с женой. Партийные органы в то время бдительно следили за моральным обликом руководителей, и мне пришлось уехать из Омска.

Бывший в то время заместителем начальника только что созданной Горьковской высшей школы по учебной работе и фактическим организатором ее создания и становления К. Е. Игошев избавил меня от необходимости ходить по кабинетам УУЗ, где начальником был уже не хорошо знавший меня генерал Бокарев, а генерал Черненко. Да, да – брат секретаря ЦК КПСС. Константин Еремеевич сам согласовал и решил все вопросы, связанные с моим переходом.

В Горький вслед за мной потянулись из Омска ученики. Первым из них назову А. Н. Подрядова. По таланту из моих учеников он должен был стать первым доктором наук. Уже в Горьком он, играючи, защитил кандидатскую диссертацию. Уже готова была и обсуждалась рукопись докторской, когда он трагически погиб в Риге. Анатолий Николаевич отыскал и привел ко мне выпускника ОВШМ С. П. Гришина, пребывавшего в следователях в г. Дзержинске Горьковской области. Сейчас Сергей Петрович – первый проректор Нижегородской правовой академии.

Перераспределился из адъюнктуры Академии МВД СССР направленный туда из Омска еще при мне энергичнейший В. В. Черников. Сейчас он начальник Главного правового управления МВД РФ. Не перепутать бы наименование управления.

Я занял должность начальника не существовавшей еще кафедры уголовного процесса и криминологии и сам ее организовывал. Я всегда полагал, что в основе руководства кафедрой лежит принцип «делай, как я». Хочется надеяться, что мой преемник и ученик – доктор юридических наук профессор М. П. Поляков, который был у меня и слушателем, и адъюнктом, и докторантом, придерживается той же позиции.

В Горьком я в 1981 году написал и докторскую диссертацию «Взаимодействие органов внутренних дел с населением». Пожалуй, это наименее известное мое сочинение. Оно – закрытое. Из-за анализируемых мною кадровых приказов. Они сплошь секретные. Хотя я и пытался при защите иронизировать, заявляя, что не знаю, как можно секретно взаимодействовать с населением, факт остается фактом.

Как и было положено в то время, основные выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертационном сочинении, я направил в заинтересованные главки: штаб, БХСС и управление кадров. Не ведаю, прочитал ли их кто-нибудь там. Во всяком случае, никакого уведомления от адресатов я не получил. Между тем, убежден в этом, негативные последствия несоблюдения только одной из содержащихся там рекомендаций видны сегодня невооруженным глазом. Имеется в виду катастрофическое ухудшение качественного состава органов внутренних дел. Я пытался предостеречь против опасного увеличения штатной численности органов внутренних дел. Решение об увеличении штатной численности не может быть принято только на основании действительной или мнимой (желание начальства иметь побольше подчиненных неистребимо) потребности системы (подразделения, органа, министерства в целом). Должны быть учитываемы при принятии такого решения еще два необходимых фактора: 1) наличие в среде функционирования соответствующего количества рекрутов с требуемыми личностными качествами и ее возможности их выделить; 2) способность органов внутренних дел выдержать конкуренцию со стороны других кадропотребляющих систем и удержать от ухода своих сотрудников. Обязан сказать, что в современных условиях указанные факторы стали еще более значимы.

Специальность, по которой написана диссертация, – управление в социальных и экономических системах (юридические науки). Вначале я структурировал изложение по управленческому циклу: собирание информации и инициирование ее поступления – обработка и хранение информации – принятие решения – контроль исполнения решения – корректирование решения и процесса его исполнения. При обсуждении диссертации на объединенном заседании кафедр она получила добро на защиту, а я – несколько замечаний, прореагировать на которые можно было за неделю.

Однако я представил работу к защите почти через год. Дело в том, что я переписал работу практически заново. Мне показалось, что управленческий цикл для моей темы дает недостаточно исследовательских возможностей. Я структурировал всю массу охватываемых проблемой ситуаций по трем субстратам, которыми всякая открытая система (органы внутренних дел) обменивается с социальной средой их функционирования (население, общественное мнение

во всех его разновидностях, общественное настроение). Это следующие три субстрата: информация, энергия (взаимодействие поведений) и материя (обмен людьми).

Мне лично эта работа дала очень много, особенно в познании инструментальной ценности системного подхода. Однако я не учел важного обстоятельства: работа стала много сложнее для понимания коллегами. Мой друг и официальный оппонент по диссертации острил в этой связи: «Твою диссертацию понимают только трое. Наверное, ты. Немного я. И кто-то третий, еще не установленный».

Сейчас такой специальности нет. Ее паллиатив – организация правоохранительной деятельности в специальности 12.00.11. Вот ведь любопытно получается: Академия управления появилась, а специальность «управление» исчезла.

Только сейчас, завершая эти автобиографические заметки, я понял, как глубоко сидят во мне исследования, которые когда-то провел. Значит, пора заканчивать воспоминания. С некоторыми мыслями старого профессора, надеюсь, не слишком тривиальными, читатель сможет ознакомиться в сборнике. Входящие в него работы не выправлены в угоду времени или лицам, они воспроизведены в том самом виде, в котором в свое время были написаны.

Заслуженный деятель науки России Валентин Томин

К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса (1965 год)

Участие трудящихся в борьбе с преступностью приобрело в последние годы столь всепроникающий характер, что это не может не сказаться на конструировании системы принципов советского уголовного процесса.

Дело, конечно, не только и даже не столько в том, чтобы записать еще один принцип в ряду других и этим ограничиться. Всякий принцип, будучи выведен из основополагающих указаний партии, из общенародного правосознания, из законодательства и практической деятельности государственных органов, начинает оказывать на все это, а особенно на новое законодательство и общую направленность практической деятельности, обратное воздействие. После того как принципы сформулированы, получили общее признание и широкое распространение, каждый работник как в области теории процесса, так и практики получает возможность контролировать правильность общего направления своей деятельности, примеряя каждую процессуальную норму, каждое толкование ее к принципам процесса. И в этом громадное практическое значение всех вообще принципов, и в частности принципов советского уголовного процесса. Именно поэтому мы считаем весьма своевременным поставить вопрос о влиянии на систему принципов советского уголовного процесса того обстоятельства, что Программа КПСС вслед за предшествующими партийными документами поставила в порядок дня вопрос о самом широком участии трудящихся в борьбе с преступностью.

Хотелось бы также высказать несколько общих соображений, относящихся к понятию принципов советского уголовного процесса и к конструированию их системы. Мы лишены возможности дать подробный анализ взглядов тех советских процессуалистов, с которыми мы полемизируем, и остановимся лишь на пунктах расхождения. Аргументация в некоторых местах будет носить вынужденно схематический характер.

Если абстрагироваться от чисто терминологических различий, то все советские процессуалисты понимают под принципами советского уголовного процесса основные руководящие идеи, «которые определяют весь строй и характер процесса, всю деятельность суда, органов расследования и прокуратуры»³. Однако затем начинаются расхождения. Большинство авторов считают, что принципами советского уголовного процесса являются только такие идеи, которые прямо сформулированы в норме закона⁴. Наиболее рельефно эту позицию выразил М. А. Чельцов, высказавший мысль о необходимости «разработать вопрос о системе принципов в точном соответствии с текстом Основ, без примысливания иных принципов, не записанных в этом законе»⁵.

Н. Н. Полянский не предъявлял к принципу обязательного требования быть записанным в законе⁶.

И. Д. Перлов допускает, что принцип, вызванный к жизни развитием социалистического процесса, некоторое время может быть не сформулирован в законе.

Нам представляется, что принципы советского уголовного процесса появляются еще до того, как они формулируются законодателем. Эти принципы проявляются в трудах класси-

---

³ И. Д. Перлов. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. – Госюриздат, 1956. – С. 7.

⁴ См.: М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. – Госюриздат, 1962. – С. 43; М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. – Госюриздат, 1960. – С. 26; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. – Госюриздат, 1958. – С. 73, и др.

⁵ Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. – Госюриздат, 1959. – С. 62.

⁶ См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. – Госюриздат, 1956. – С. 83.

ков марксизма-ленинизма, в программных документах Коммунистической партии и коммунистическом мировоззрении, в частности в коммунистическом правосознании. Эти принципы обобщения и конкретизации, они модифицируются, остается неизменной лишь их сущность.

С победой социалистической революции появляется социалистическое право. Отдельные принципы сразу же прямо формулируются в законе, другие реализуются в конкретных процессуальных институтах, проявляются в конкретных процессуальных нормах. Хотя общей формулировки этих последних закон не дает, они не перестают быть принципами соответствующей отрасли права или всего права в целом.

Таким образом, принципы – это элементы мировоззрения.

Способ их закрепления в нормативных актах имеет существенное, но не решающее значение.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что элемент коммунистического мировоззрения – руководящая идея в области уголовного процесса – остается принципом советского уголовного процесса даже в том случае, если он прямо еще не сформулирован ни в каком нормативном акте.

Так, например, принцип достижения объективной истины не сформулирован прямо ни в одной из норм уголовно-процессуального закона. Но от этого он не перестал быть принципом советского уголовного процесса.

Принципом достижения объективной истины буквально пронизан весь процесс. Этот принцип нашел свое воплощение, в частности, в ст. 2, 14, 15, 16, 17 и др. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, в конкретных нормах УПК союзных республик.

Говоря о порядке выкристаллизовывания принципов советского уголовного процесса из всей совокупности положений и идей в этой области, мы исходим из указания Энгельса о том, что «принципы не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа, не человечество сообразуется с принципами, а наоборот; принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»⁷.

Следовательно, принцип не может начинаться с формулирования его в праве. Для того чтобы законодатель сформулировал принцип в нормативном акте, нужно, во-первых, чтобы выражаемая им закономерность была свойственна данной отрасли права и, во-вторых, чтобы ученые абстрагировали его из всей совокупности правовых норм и господствующих представлений о них⁸.

М. Л. Якуб пишет: «К принципам уголовного процесса относятся такие наиболее общие положения, руководящее значение которых признано законодателем и которые в силу этого подлежат обязательному осуществлению в процессуальном законодательстве, во всей регулируемой им сфере отношений. Но такого правового значения не имеют положения, не признанные законодателем руководящими, и, следовательно, они не могут рассматриваться как принципы процесса»⁹. При всей внешней убедительности этой формулы она глубоко не верна. Принцип, даже и сформулированный в законе, как правило, не может быть осуществлен непосредственно, принцип может быть реализован лишь в более частных процессуальных нормах. Принцип же, не проведенный в конкретных процессуальных нормах, не будет осуществляться, даже если он сформулирован в законе.

⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – Госполитиздат, 1957. – С. 34.

⁸ Нам представляется непоследовательной позиция Л. Н. Гусева, который, приводя высказывание Энгельса о том, что принципы выводятся, тут же требует от принципа обязательной формулировки в законе, то есть начинает с принципа (см.: Л. Н. Гусев. Конституционные принципы советского уголовного процесса: Ученые записки ВЮЗИ. – Вып. VI. – 1958. – С. 31).

⁹ М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. – Госюриздат, 1960. – С. 26–27.

Для правильного понимания механизма появления норм, закрепляющих принципы советского уголовного процесса в законе, имеет большое значение тщательное изучение указаний В. И. Ленина о внесении теоретических положений в практическую деятельность извне¹⁰.

Принципы вырабатываются не законодателем. Законодатель получает их в готовом виде. Принципы вырабатываются наукой. Абстрагирование общих положений из объективной реальности – это функция научного мышления. Будучи выработанными, принципы становятся равно обязательными (или равно не обязательными) как для рядового участника уголовного процесса, так и для законодателя. Ибо их обязательность – лишь в их правильности.

Правильно выработанный принцип законодатель в той или иной форме делает нормой закона.

После того как принцип закреплён в законе, его воздействие на право и практическую деятельность усиливается.

Может показаться, что отстаиваемая автором точка зрения на конструирование системы принципов советского уголовного процесса вступает в противоречие с одним из основных принципов, эту систему составляющих, с принципом законности. Но это не так. Мы лишь хотим подчеркнуть, что принцип, записанный в законе, есть отражение независимо от этой формулировки существующего принципа, объективно существующей закономерности. Закрепленное в законе детерминировано правосознанием господствующего класса (в общенародном государстве – всего народа), так же как само правосознание детерминировано бытием. Таким образом, мы получаем следующую последовательность: правосознание (в широком смысле) – отрасль права – система принципов. Зачем же нам лишнее опосредствующее звено? Зачем нам выводить принципы из законодательства, когда само законодательство должно совершенствоваться на основе этих принципов? Задача же совершенствования правовых норм, как известно, провозглашена Программой партии как одна из основных задач.

Выведение принципа опосредствованно – исключительно из наличного закона, а не непосредственно из мировоззрения независимо от форм его проявления – представляется нам неприемлемым и по другой причине.

Социалистическое право представляет собой совокупность норм, которые:

- а) выражают направляемую Коммунистической партией волю рабочего класса и руководимых им трудящихся;
- б) в соответствии с объективными историческими закономерностями, содействуют закреплению и развитию порядка, способствующего строительству социализма и коммунизма;
- в) устанавливаются или санкционируются государством;
- г) охраняются мерами государственного принуждения на базе убеждения большинства трудящихся и силой их общественного мнения¹¹.

А будет ли правовым такой нормативный акт, который издан компетентными органами государства и применение которого обеспечивается государственным принуждением, но он не выражает волю рабочего класса и руководимых им трудящихся, не содействует, в соответствии с объективными историческими закономерностями, закреплению и развитию порядков, способствующих строительству социализма и коммунизма?

Думается, что такой акт не будет правовым: он лишен важнейших черт социалистического права. Следует согласиться с Р. А. Сафаровым, который пишет: «...общенародное право только тогда может быть воплощением общенародной воли, когда оно учитывает реально существующее общественное мнение народа». И далее: «В прошлом в период культа личности были

¹⁰ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. – Т. 5. – С. 347 и последующие.

¹¹ См.: Основы теории государства и права. – Госюриздат, 1963. – С. 281–282.

случаи издания законов, которые не только не выражали истинную народную волю, но даже противоречили ей»¹².

Именно так расценила наша партия изменения, внесенные в УПК РСФСР постановлениями ВЦИК и СНК от 10 декабря 1934 года¹³ и 2 февраля 1938 года¹⁴, изменения, существенно затрудняющие достижение объективной истины по делу и сводящие к минимуму гарантии прав граждан и право обвиняемого на защиту.

Не может стать принципом и общее положение, провозглашенное в такого рода акте. Напротив, несмотря на свое закрепление в процессуальном законе, оно будет отступлением от принципов советского уголовного процесса.

Совершенно правильно А. К. Стальгевич акцентирует внимание на указании К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что право нельзя сводить исключительно к закону¹⁵.

Утверждение «принцип – только то, что в наличном законе» лишает исследователя (речь идет только об исследователе, должностное лицо обязано применять закон в строгом соответствии с его текстом) возможности анализировать соответствие конкретной правовой нормы общим принципам марксистско-ленинского правосознания.

Таким образом, как явствует из предшествующего изложения, принципы советского уголовного процесса – это идеи коммунистического мировоззрения, определяющие наиболее существенные черты советского уголовного процесса. Это идеи именно коммунистического, а не какого-нибудь другого мировоззрения, поэтому не всякое, даже самое общее, положение является принципом, а только такое, которое неразрывно связано со взглядами и политикой Коммунистической партии. Существенная черта советского уголовного процесса будет его принципом только в том случае, если иное решение вопроса противоречит коммунистическому мировоззрению.

Советский уголовный процесс един и целостен, все его институты взаимосвязаны и взаимообусловлены. Именно поэтому система его принципов – это действительно система взаимообусловленных и взаимодействующих положений, а не простой перечень идей, стоящих одна подле другой. Уже по одному этому мы не можем согласиться с авторами, которые предлагают включать в систему принципов советского уголовного процесса любое общее положение, лишь бы оно было сформулировано законодателем.

Советский уголовный процесс представляет собой составную часть более общего явления – советского социалистического права. Поэтому основная часть его принципов является уголовно-процессуальной интерпретацией общеправовых принципов. Советский уголовный процесс тесно связан с другими отраслями права. Поэтому часть его принципов перекликается, а порой и просто совпадает с принципами соответствующих отраслей права.

Из сказанного мы делаем вывод, что не следует увлекаться формулированием принципов в точном соответствии с текстом отраслевой правовой нормы. Это может привести к тому, что один и тот же принцип в разных отраслях права будет сформулирован по-разному. Формулировка принципа должна отражать его сущность, а не словесное оформление в том или ином кодексе, тех или иных Основах.

На приведенных выше соображениях мы базируем наше предложение о включении в систему принципов советского уголовного процесса принципа народности. Этот принцип в опубликованных к моменту написания статьи работах не включает в систему принципов советского уголовного процесса ни один советский процессуалист¹⁶.

---

¹² Р. А. Сафаров. Общественное мнение и общенародное право // Советское государство и право. – 1964. – № 4. – С. 81.

¹³ СУ 1935 г. – № 2. – Ст. 8.

¹⁴ СУ 1938 г. – № 3. – Ст. 38.

¹⁵ См.: А. К. Стальгевич. XXII съезд КПСС и вопросы теории советского социалистического права // Труды Высшей школы МООП РСФСР. – 1962. – № 7.

¹⁶ М. А. Чельцов, вступая в противоречие с выдвинутым им категорическим требованием формулировать принципы в точ-

Несмотря на то, что названный принцип в своей общей форме не сформулирован ни в одной уголовно-процессуальной норме, у нас не вызывает сомнений то обстоятельство, что такой принцип свойствен как советскому уголовно-процессуальному праву, так и уголовно-процессуальной деятельности. Им буквально пронизан весь советский уголовный процесс, программные партийные документы, касающиеся вопросов судопроизводства, конкретные уголовно-процессуальные и судостроительные нормы.

Программа КПСС устанавливает: «Всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии, активное участие всех граждан в управлении государством... улучшение работы государственного аппарата и усиление народного контроля над его деятельностью – таково главное направление развития социалистической государственности в период строительства коммунизма»¹⁷.

Указанное в Программе направление развития социалистической государственности является направлением развития советского уголовного процесса как одной из разновидностей государственной деятельности.

Это общее требование конкретизируется применительно к уголовному процессу: «Оно (правосудие. – В. Т.) строится на подлинно демократических основах: выборности и отчетности судей и народных заседателей, праве их досрочного отзыва, гласности рассмотрения судебных дел, участия в судах общественных обвинителей и защитников при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности всех процессуальных норм. Демократические основы правосудия будут развиваться и совершенствоваться»¹⁸.

В решениях партии неоднократно указывалось на необходимость широкого участия граждан в борьбе с уголовной преступностью и в охране общественного порядка.

Сущность принципа народности, так же как и ее проявления, многостороння.

Во-первых, он означает, что уголовный процесс осуществляется в интересах всего народа. «Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа»¹⁹. Это общенародное государство, указывает Программа, призвано «охранять права и свободы советских граждан, социалистический правопорядок и социалистическую собственность»²⁰.

Во-вторых, принцип народности знаменует тенденцию ко все большему включению представителей народа в органы правосудия, ко все большему влиянию трудящихся на формирование этих органов. Эта тенденция ярко проявляется в выборности судей, именно ей обусловлены установленные ч. 2 ст. 19 Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик изменения в порядке выборов народных заседателей. Принцип народности объясняет появление в нашем судостроительстве института отчетности судей и народных заседателей перед населением, отзыва судей и народных заседателей вместо буржуазного принципа несменяемости судей (ст. 35 Основ законодательства о судостроительстве).

В-третьих, принцип народности проявляется во все большем учете следственными судебными властями мнения трудящихся по тому или иному конкретному уголовному делу. Сразу же оговоримся, что учет мнения общественности отнюдь не ущемляет процессуальной

ном соответствии с «текстом» Основ, в учебнике для вузов пишет: «Система принципов уголовно-процессуального права должна быть дополнена... принципом участия общественности в борьбе с преступностью» (см.: М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. – Госюриздат, 1962. – С. 45). Как примирить эти слова М. А. Чельцова со сделанным им на этой же странице утверждением, что в первом разделе Основ перечислены все принципы советского уголовного процесса, нам не понятно. Сам принцип участия общественности в борьбе с преступностью М. А. Чельцов, как нам кажется, понимает весьма односторонне (см.: там же. – С. 66–67).

¹⁷ Материалы XXII съезда КПСС. – Госполитиздат, 1961. – С. 396.

¹⁸ Там же. – С. 400.

¹⁹ Там же. – С. 396.

²⁰ Там же.

самостоятельности судьи, следователя, прокурора, лица, производящего дознание. Их независимость установлена и охраняется законом. Право окончательного решения принадлежит одному из них (либо коллегии), в зависимости от стадии процесса и установленного процессуальным законом порядка, и никому другому. Однако учет точки зрения, высказанной общественностью по тому или иному вопросу, позволяет им принимать решения с полным знанием дела.

При этом общественное мнение не следует понимать упрощенно. Общественное мнение – это суждения советского народа, высказываемые различными группами населения и отдельными коллективами. В этих суждениях содержатся определенные оценочные моменты, так как в сознании советских граждан вырабатывается определенное отношение к правонарушению, к правонарушителю, к потерпевшему, равно как и к более общим категориям – к преступности, к нарушению законности и т. д. На характер таких суждений оказывает большое влияние идеология марксизма-ленинизма и социалистическая общественная психология. При чем чем шире влияние идеологии на психологию, тем общественное мнение все более приобретает характер научного мировоззрения²¹.

Трудящиеся получают процессуальную возможность высказывать свое мнение по тому или иному уголовному делу посредством института общественных обвинителей и общественных защитников, института взятия на поруки, института поручительства общественной организации в качестве меры пресечения и т. п.

В-четвертых, принцип народности означает, что участники процесса – государственные органы – для решения стоящих перед ними задач по борьбе с преступностью широко используют помощь трудящихся. Республиканское уголовно-процессуальное законодательство сделало это обязанностью следователя (см. ст. 128 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик).

Привлечение трудящихся к участию в уголовном процессе важно не только потому, что оно помогает государственным органам решать поставленные перед ними задачи, но и потому, что расширяет возможности народного контроля за деятельностью государственных органов и отдельных должностных лиц в области уголовного процесса. На это обстоятельство, как нам кажется, советские процессуалисты обращали мало внимания.

Под этим же углом зрения представляет значительный интерес идея о дежурствах представителей общественности в дежурной комнате милиции. Действительно, значительное количество нарушений социалистической законности в деятельности органов охраны общественного порядка связано с работой дежурных комнат и с приемом заявлений. Возложение функций приема и регистрации заявлений на представителя общественности (специально выделенного члена местного Совета, народного заседателя или иного активиста) способствовало бы значительному сокращению нарушений законности в стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с принципом народности следует по-новому подойти к гласности советского уголовного процесса. Поставим вопрос так: каждый принцип в советском уголовном процессе является принципом постольку, поскольку он обеспечивает выполнение задач, стоящих перед процессом. Обеспечивает ли гласность выполнения этих задач? Да, обеспечивает, но опосредствованно. Гласность является одним из необходимых условий эффективного контроля общества за участниками уголовного процесса. Гласность создаст возможность привлечения членов общества к оказанию помощи правосудию. Наконец, гласность способствует воспитательному воздействию уголовного процесса.

---

²¹ См.: *Р. А. Сафаров. Общественное мнение и общенародное право // Советское государство и право. – 1964. – № 4. – С. 80.*

Гласность ограничивается только во имя сохранения государственной тайны, во имя гарантии прав личности, в воспитательных целях, в интересах раскрытия преступления.

Несколько слов об этом последнем ограничении. М. А. Чельцов в свое время утверждал, что на предварительном следствии действует принцип негласности²². Сейчас он смягчил формулировку²³.

Думается, что требование гласности продолжает действовать и на предварительном следствии.

Гласность не ограничивается открытием дверей судебного заседания. Ее составной частью являются выступления и отчеты перед населением должностных лиц, освещение средствами общественной информации практики борьбы с преступностью, сообщение коллективам трудящихся о результатах расследования и судебного рассмотрения дел на членов их коллективов, сообщение о результатах рассмотрения заявленных общественностью ходатайств. Мы полагаем, что в понятие гласности входит и доступность для трудящихся статистических данных о состоянии преступности и результатах борьбы с нею.

Таким образом, гласность процесса тесно связана с принципом народности и одновременно является одним из средств его обеспечения.

Признание народности принципом советского уголовного процесса влечет за собой определенные практические последствия. Эти последствия, на наш взгляд, заключаются в том, что в случаях, когда участие трудящихся в уголовном процессе не укладывается в традиционные процессуальные рамки, не следует втискивать его в прокрустово ложе этих традиционных, сложившихся в иных условиях процессуальных форм. Участие трудящихся в уголовном процессе заслуживает, в интересах наибольшей эффективности такого участия, модификации некоторых существующих процессуальных форм, некоторых тактических рекомендаций и построений и даже введения новых. Это может быть осуществлено как посредством нового законодательства, так и путем отказа от некоторых традиционных, хотя и не единственно возможных на основе действующих законов, решений.

Участие трудящихся в уголовном процессе – это не просто один из многих институтов, это институт, который не может не сказаться в большей или меньшей степени на всех остальных.

В частности, участие трудящихся в расследовании не может не дать новых способов собирания доказательств, определенных изменений в тактике проведения существующих следственных действий и появления новых.

Труды высшей школы. – Москва, 1965. – Вып. 12.

---

²² См.: М. А. Чельцов. Уголовный процесс. – Госюриздат, 1948. – С. 372. – О негласности предварительного следствия говорит и Л. Г. Лебединский (см.: Л. Г. Лебединский, Ю. А. Каленов. Прокурорский надзор в СССР. – Госюриздат, 1957. – С. 113).

²³ См.: М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. – Госюриздат, 1962. – С. 59.

Понятие цели советского уголовного процесса (1969 год)

Уголовный процесс, как и всякий процесс, есть движение, движение к определенной цели. Уяснение вопроса о том, какова эта цель, имеет первостепенное значение для науки советского уголовного процесса и повседневной практической деятельности соответствующих компетентных органов.

Разработка данного вопроса имеет немаловажное значение для правотворческой деятельности в области уголовного судопроизводства. Каждая вновь издаваемая норма должна в конечном счете соответствовать достижению цели уголовного процесса. Четкое понимание последней позволит с большей объективностью оценивать многочисленные предложения *de lege ferenda* в сфере уголовно-процессуального законодательства. Оно даст возможность принять оптимальное решение и в тех случаях, когда уголовно-процессуальный закон оказывается недостаточно определенным, в нем обнаруживаются пробелы или противоречия. От того, как мы представляем себе цель уголовного процесса, зависит, наконец, решение ряда проблем судоустройства, в частности вопросов о соотношении компетенций различных органов, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также об ее отграничении от других видов государственной деятельности, направленной на борьбу с преступностью. Всякие перестройки и реформы в этой области должны способствовать прежде всего более эффективному достижению целей уголовного процесса.

Немногие советские авторы специально исследовали проблему целей и задач уголовного судопроизводства²⁴. Однако литература вопроса довольно обширна, ибо за очень небольшими исключениями²⁵ все курсы и учебники советского уголовного процесса в той или иной мере его касались. Изучение этой литературы создает весьма многообразную картину концепций и точек зрения.

Так, Н. Н. Полянский утверждал, что целью уголовного процесса является установление «для конкретного случая существования... права государства на наказание и эвентуально... тех пределов, в которых оно подлежит осуществлению»²⁶. Полемизируя с Н. Н. Розиным и некоторыми другими дореволюционными авторами, признававшими целью уголовного процесса «разрешение уголовного спора» между государством и личностью²⁷, Н. Н. Полянский в то же время присоединялся к их мнению, что суд является защитником гражданина от произвола администрации. Такая позиция, прогрессивная в эксплуататорском, классово-антагонистическом обществе, стала неприемлемой в условиях, когда государственная власть перешла в руки трудящихся.

Концепция Н. Н. Полянского (пожалуй, никем больше в советской юридической литературе не разделявшаяся) сводила весь уголовный процесс к судебному разбирательству, а следовательно, исключала из него такие важные стадии, как «возбуждение уголовного дела, пред-

²⁴ Среди работ, посвященных этой проблеме, необходимо прежде всего назвать следующие: Н. Н. Полянский. Цель уголовного процесса. – Ярославль, 1919; *Его же*. Очерки общей теории советского уголовного процесса. – М., 1927; *Его же*. Вопросы теории советского уголовного процесса. – Изд. МГУ, 1956; М. А. Чельцов. Цель уголовного процесса и организация окончательного производства. – Киев, 1925; М. С. Строгович. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. – 1927. – № 1; М. Л. Якуб. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. – Изд. МГУ, 1960.

²⁵ Из более чем двух десятков учебников, учебных пособий и курсов, изданных в нашей стране после Октябрьской революции, только Б. А. Галкин и Н. Я. Калашникова не говорят ни о цели, ни о задачах советского уголовного процесса (см.: Б. А. Галкин, Н. Я. Калашникова. Уголовный процесс. – М.: Юриздат, 1942).

²⁶ Н. Н. Полянский. Цель уголовного процесса. – С. 21; *Его же*. Очерки общей теории уголовного процесса. – С. 44.

²⁷ Н. Н. Розин. Уголовное судопроизводство. – СПб., 1916. – С. 13.

варительное расследование и исполнение приговора». Тем самым ставилась под сомнение необходимость уголовно-процессуального регулирования деятельности государственных органов по раскрытию преступлений, подготовке материалов для судебного процесса и исполнению наказания во всем его объеме. Это не могло не сказаться и на решении практических задач (задач уголовного судопроизводства), ради которого ставится и достигается цель уголовного процесса.

Впоследствии Н. Н. Полянский пересмотрел свои взгляды²⁸, однако отдельные недостатки его концепции повторялись и в более поздних работах процессуалистов. Так, Д. С. Карев и ряд других авторов полагают, что цель советского уголовного процесса можно считать достигнутой после того, как определено справедливое наказание²⁹ лицу, совершившему преступление. Нетрудно заметить, что при таком взгляде исключается уголовно-процессуальная регламентация деятельности суда по обращению приговоров к исполнению и разрешению иных вопросов, связанных с исполнением приговоров. Указанная позиция тем более неустойчива, что исполнение приговора характеризуется ее сторонниками как стадия советского уголовного процесса³⁰. Одно из двух: либо цель процесса установлением справедливого наказания еще не достигнута (тогда неверно определение цели), либо исполнение приговора лежит вне процесса (тогда точка зрения авторов непоследовательна).

В литературе была выдвинута и другая концепция цели уголовного процесса, согласно которой целью процесса является борьба с преступностью. Ее придерживался М. А. Чельцов-Бебутов³¹, а позже – С. А. Голунский³².

Действительно, борьба с преступностью является, в конечном счете, задачей всех государственных органов, участвующих в процессе, в том числе суда. Марксист не может согласиться, например, с И. В. Михайловским, призывавшим не вмешивать суд в «страстную, напряженную» борьбу с преступностью³³. И тем не менее, если речь идет о выявлении цели именно уголовного процесса со всеми присущими ему особенностями, указанной формулой ограничиваться нельзя. Известно, что борьба с преступностью ведется не только уголовно-процессуальными средствами. Пресечение и предупреждение преступлений осуществляется и посредством применения административно-правовых норм; перевоспитание правонарушителей, приговоренных к лишению свободы (а это тоже мера борьбы с правонарушениями), регламентируется нормами исправительно-трудового права. Наконец, в борьбе с преступностью широко используются обычные (неправовые) воспитательные меры.

Не раскрывают специфики уголовного процесса и суждения, – на первый взгляд, диаметрально противоположные, а по сути своей сходные, – которые высказывали А. С. Тагер и М. С. Строгович. Согласно первому уголовный процесс преследует множество целей, второму – не имеет собственной цели³⁴.

Однако, М. С. Строгович выдвигал и иной тезис. Целью уголовного процесса, писал он, является установление материальной истины по делу³⁵.

²⁸ См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. – С. 66–68.

²⁹ См.: Советский уголовный процесс / Под ред. Д. С. Карева. – М.: Изд. «Высшая школа», 1968. – С. 12; см. также: Советский уголовный процесс. – М., 1959. – С. 5; Уголовный процесс БССР. – Минск, 1965. – С. 5.

³⁰ См.: Советский уголовный процесс / Под ред. Д. С. Карева. – С. 426.

³¹ См.: М. А. Чельцов-Бебутов. Советский уголовный процесс. – Вып. I. – Харьков, 1928. – С. 6.

³² См.: Советский уголовный процесс. – М., 1953. – С. 7.

³³ См.: А. С. Тагер. О предмете и пределах науки об уголовном суде // Право и жизнь. – 1924. – № 1. – С. 53.

³⁴ См.: М. С. Строгович. Проблемы уголовного процесса // Проблемы уголовной политики. – Кн. 2. – М.: Изд. «Советское законодательство», 1936. – В соответствии с этой концепцией автор сводил задачи уголовного процесса к задачам суда, правосудия (см.: М. С. Строгович. Уголовный процесс. – М., 1934. – С. 15; 1935. – С. 18; *Его же*. Уголовный процесс. – М., 1936. – С. 36; *Его же*. Учебник уголовного процесса. – М., 1938. – С. 50).

³⁵ См.: М. С. Строгович. Принципы советского уголовного процесса. – С. 95, 97; *Его же*. Уголовный процесс. – М., 1946. – С. 14. – Эта точка зрения высказывалась в литературе ранее (см.: М. А. Чельцов-Бебутов. Цель уголовного процесса и орга-

Познание явлений объективной реальности, на основе которого органы предварительного расследования, прокурор и суд принимают решение о движении и разрешении дела, должно быть истинным. Это утверждение, разумеется, правильно. Вместе с тем нахождение истины, даже если понимать ее содержание максимально широко, т. е. включать в него не только факты или их юридическую квалификацию, но и количественную и качественную характеристики наказания³⁶, все же не завершает процесса. Необходимо еще сформулировать решение по делу и претворить его в жизнь. Представляется целесообразным поэтому признать установление истины принципом советского уголовного процесса, который должен быть положен в основу решения по делу³⁷.

О материальной истине как цели процесса писал позднее и М. С. Строгович³⁸. Он сформулировал следующее развернутое определение рассматриваемого нами понятия: «Целью советского уголовного процесса является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного лица и оказание воспитательного воздействия на граждан»³⁹.

Оценивая данную формулу, необходимо отметить прежде всего нецелесообразность включения в понятие цели процесса указания на «ограждение от неосновательного обвинения невиновного лица». Мы присоединяемся к мнению тех авторов, которые утверждают, что недопустимость осуждения невиновного предполагает уже сама по себе цель наказания виновного⁴⁰. Если по уголовному делу подозреваемым (обвиняемым, подсудимым, осужденным) оказалось невиновное лицо, следует сделать вывод, что деятельность того или иного органа оказалась ошибочной. Считать же исправление ошибок целью процесса – значит заранее предполагать наличие этих ошибок⁴¹.

Нельзя согласиться и с тем, что элементом цели советского уголовного процесса является «оказание воспитательного воздействия на граждан». Такое воздействие обуславливается в первую очередь эффективностью деятельности государственных органов по изобличению преступников, соответствием назначаемых ими мер социалистическому правосознанию. Правда, воспитательное воздействие на граждан предопределяют не только результаты, но и ход процесса⁴², однако каждое следственное и судебное действие направлено в первую очередь на достижение иных (не воспитательных) целей. Более правильно было бы поэтому сказать, что воспитательное воздействие на граждан – это задача уголовного судопроизводства, которая решается посредством осуществления его цели.

В литературе распространен также взгляд, что целью уголовного процесса является «наказание виновного нарушителя советского уголовного закона»⁴³; задача процесса состоит

низация окончательного производства. – Киев, 1925. – С. 1).

³⁶ См., например: А. Л. Ривлин. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. – 1951. – № 11; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. – С. 22–29; Ю. В. Михайловский. Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905. – С. 94.

³⁷ См.: В. Т. Томин. О системе принципов советского уголовного процесса. Научная конференция, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Омск, 1967. – С. 50.

³⁸ См.: М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. – С. 74, 76–78.

³⁹ Там же. – С. 24.

⁴⁰ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. – С. 68–69; М. Л. Якуб. Указ. соч. – С. 16–19.

⁴¹ Мы не затрагиваем здесь вопросов о проверочном характере, который имеет почти каждая стадия советского уголовного процесса по отношению к предшествующей. Это совершенно другая проблема, касающаяся частных задач, стоящих перед отдельными стадиями процесса.

⁴² О воспитательном воздействии хода предварительного следствия см.: Ю. А. Иванов. Воспитательное воздействие советского предварительного следствия. – М., 1967.

⁴³ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. – С. 68.

«в том, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию»⁴⁴. Сторонники указанной точки зрения подчеркивают, что достижение цели процесса предполагает обнаружение виновника и установление его виновности⁴⁵. Не касаясь пока вопроса о разграничении терминов «цель», «задача» уголовного процесса (в приведенных формулировках они употребляются по существу как равнозначные), отметим следующие два обстоятельства.

Обнаружение виновного и его изобличение логичнее считать не условием осуществления цели, а неотъемлемой составной частью, элементом этой цели. Тем самым будет обращено внимание на особую роль стадии предварительного расследования, без успешного окончания которого невозможно достижение цели процесса в целом.

Нуждается в уточнении и утверждение, что целью уголовного процесса является наказание виновного. Прежде всего отметим тот факт, что законодательство предусматривает случаи освобождения лиц, совершивших преступления, от уголовной ответственности, от наказания⁴⁶.

Уголовно-процессуальная деятельность считается законченной, несмотря на то, что наказание виновному не определено. Так, согласно п. 2 ст. 208 УПК РСФСР, уголовное дело прекращается при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств. А п. 3 ст. 5 УПК РСФСР в качестве общего правила предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению за истечением сроков давности⁴⁷. В обоих случаях законодатель останавливает уголовно-процессуальную деятельность, хотя она не завершилась применением наказания, привлечением того или иного лица к уголовной ответственности.

Авторы, полагающие, что целью уголовного процесса является наказание виновного, не учитывают и еще одно обстоятельство. Известно, что по отдельным делам цель процессуальной деятельности достигается и без определения наказания правонарушителю. Статьи 6–9, 309 и 402 УПК РСФСР говорят о прекращении уголовных дел без назначения уголовного наказания в случаях, когда *цели наказания* могут быть достигнуты без его применения, а ст. 10 предусматривает возможность отказа в возбуждении уголовного дела по тем же мотивам⁴⁸. Действующее советское уголовное законодательство, правильно подчеркивает Д. М. Брайнин, исходит «из положения, что уголовное наказание является мерой, которая должна применяться лишь в случаях, когда исправление лица, совершившего преступление, не может быть достигнуто иными средствами»⁴⁹.

Последнее положение ориентирует на установление связи между целью уголовного процесса и целями наказания. «Один и тот же дух, – писал К. Маркс, – должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»⁵⁰. Назначение и исполнение наказания являются логическим итогом процесса. Они не есть, однако, его цель. Требование о достижении целей нака-

⁴⁴ См.: Л. Якуб. Указ. соч. – С. 14.

⁴⁵ См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. – С. 14.

⁴⁶ В данной связи мы абстрагируемся от различия понятий «освобождение от уголовной ответственности» и «освобождение от наказания». Нас интересуют все случаи, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от наказания.

⁴⁷ Когда речь идет об особо опасном преступлении, за которое по закону может быть назначена смертная казнь, вопрос о применении давности к лицу, его совершившему, разрешается судом (ст. 48 УК РСФСР).

⁴⁸ Подробнее см.: А. П. Чугаев. Малозначительное преступление и товарищеский суд. – Изд-во. Казанского ун-та, 1966. – С. 11–36.

⁴⁹ Д. М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. – С. 246.

⁵⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – Т. 1. – С. 158.

зания должно быть включено в понятие цели уголовного процесса⁵¹, но этим данное понятие не исчерпывается.

При рассмотрении проблемы цели уголовного процесса необходимо разрешить и еще один вопрос – на этот раз терминологического характера. Дело в том, что в связи с формулировкой ст. 2 Основ уголовного судопроизводства процессуалисты почти перестали употреблять термин «цель», предпочитая пользоваться терминами «задачи уголовного процесса», «задачи уголовного судопроизводства»⁵² (термин «цель» вновь появился лишь в одном «из последних учебников»⁵³). В результате пришлось говорить о задачах процесса в *двух смыслах*: о специфических задачах уголовного судопроизводства и о более общих задачах, к осуществлению которых направлено не только уголовное судопроизводство, но и деятельность других государственных органов и общественных организаций⁵⁴. По нашему мнению, поскольку речь идет о различных понятиях, целесообразно и обозначать их разными терминами. Цель уголовного процесса представляет собой цель производства по конкретному делу, а задачи процесса – задачи, решаемые уголовным судопроизводством как отраслью (систематически функционирующей отраслью) государственной деятельности. Достижение цели уголовного процесса по подавляющему большинству дел обеспечит выполнение задач уголовного судопроизводства – тех, которые сформулированы не только в ч. II ст. 2 Основ уголовного судопроизводства, но и в ч. I ст. 1 Основ уголовного законодательства.

На основе изложенного можно сделать вывод, что целью советского уголовного процесса являются изобличение лиц, виновных в совершении преступления, применение к ним справедливого наказания или иных мер государственного или государственно-общественного воздействия, обеспечивающих в конкретном случае достижение целей уголовного наказания без назначения наказания, а также внесение изменений в качественную и количественную характеристики наказания в случаях, когда такие изменения будут способствовать достижению целей наказания.

Правоведение. – 1969. – № 4.

---

⁵¹ Среди советских ученых-криминалистов не сложилось единого мнения по вопросу о целях наказания. Мы не касаемся этого вопроса, ограничиваясь констатацией необходимости включить требование о достижении целей наказания в понятие цели процесса, но отдаем себе отчет в том, что глубокое и всестороннее исследование проблемы цели уголовного процесса предполагает серьезное изучение того, что написано о целях наказания Н. А. Беляевым, И. С. Ноем, А. Л. Ременсоном, В. Г. Смирновым, Н. А. Стручковым и др.

⁵² См., например: М. Л. Якуб. Указ. соч.; М. А. Чельцов-Бебутов. Указ. соч.

⁵³ См.: Советский уголовный процесс / Под ред. Д. С. Карева. – М.: Высшая школа, 1968.

⁵⁴ См.: М. Л. Якуб. Указ. соч. – С. 11.

Привлечение трудящихся к расследованию преступлений (1972 год)

От редактора

Ленинское указание о необходимости широкого привлечения трудящихся масс к управлению делами государства имеет непосредственное отношение и к такой специфической сфере, как деятельность органов правосудия. Борьба с преступностью и ее ликвидация в нашей стране – общенародная задача. Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание вопросам участия трудящихся в решении этой задачи.

Значение привлечения трудящихся к решению задач борьбы с преступностью заключается не только в той непосредственной помощи, которую они оказывают государственным органам, но и в той роли, которую это участие играет в воспитании самих советских граждан – активных строителей коммунистического общества⁵⁵.

Привлечение трудящихся к расследованию преступлений – один из конкретных аспектов их участия в борьбе с преступностью, которому уделяется исключительно серьезное внимание. Однако сегодня еще нет оснований говорить о значительных успехах в использовании помощи населения и широком участии трудящихся в расследовании преступлений.

Причину этого мы видим в том, что еще не познаны в полной мере закономерности, присущие процессу привлечения и использования помощи трудящихся при расследовании преступлений, без познания которых не может быть достигнут желаемый результат. В связи с ЭТИМ в рассматриваемой проблеме наиболее актуальными, на наш взгляд, являются вопросы о факторах, обуславливающих активность участия населения, и способах ее использования в конкретных ситуациях, то есть методах привлечения трудящихся к расследованию преступлений.

В юридической литературе анализируются в основном формы участия трудящихся в расследовании преступлений (что также немаловажно, но не дает ответа на главный вопрос: как достичь нужного результата?) и практически почти не исследуются вопросы о факторах активности населения и методах его привлечения к участию в расследовании преступлений.

Предлагаемая вниманию читателей работа В. Т. Томина посвящена исследованию именно этих вопросов. И в этом, на наш взгляд, ее основное достоинство.

Автор исходит из того, что участие трудящихся в предварительном расследовании является необходимым свойством социалистического уголовного судопроизводства. Ему принадлежит формулировка принципа народовластия в советском уголовном процессе⁵⁶. Разумеется, настоящая работа не является исчерпывающим и полным освещением указанных вопросов. Не все ее положения бесспорны. Но в целом она представляет собой весьма полезное пособие для практических работников, находящихся на переднем крае решения проблемы широкого привлечения трудящихся к борьбе с преступностью.

В. П. Бахин

---

⁵⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 44. – С. 337.

⁵⁶ См.: В. Томин. К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса // Труды Высшей школы МООП РСФСР. – Вып. 12. – М., 1965.

Введение в проблему

Преступник действует в окружении людей. И – как бы ни таился он – кто-нибудь из граждан обязательно воспримет своими органами чувств либо само событие преступления, либо подготовку к нему, либо попытку скрыть его последствия, либо, наконец, те или иные следы каждого из этапов преступной деятельности.

Разные индивиды, получив информацию о совершающемся или совершенном преступлении, поступают по-разному. Одни решительно вступают в схватку с врагом⁵⁷ и пресекают зло, по собственной инициативе оказывая всестороннюю помощь компетентным государственным органам, борющимся с преступностью; другие – по разным причинам – даже в качестве свидетелей являются лишь по вызову. Но есть и третьи, которых нужно переубедить, прежде чем они вообще окажут какую-либо помощь в расследовании преступления.

Следователь⁵⁸ тоже действует среди людей. И не только от отношения к расследованию его самого и его товарищей по работе зависит успех дела. Явится ли свидетель по собственной инициативе, или его придется разыскивать? Окажется ли он в камере следователя союзником, равнодушным наблюдателем или даже противником? От ответа на эти вопросы в громадной степени зависит успех расследования. Опытный следователь сладит и со лгушим свидетелем; по конкретному делу он может обойтись и без помощи трудящихся, но насколько больше времени, энергии и народных денег он при этом затратит! А это означает, что в каком-то другом месте, по какому-то другому делу этой энергии, времени и средств не будет.

Годы, прошедшие под знаком решений XX и последующих съездов партии, были временем роста активности трудящихся в оказании помощи органам внутренних дел при расследовании преступлений и, что не менее важно, временем роста активности сотрудников органов внутренних дел в привлечении трудящихся к своей деятельности. Хотя – и об этом нужно сказать громко – и та и другая активность росли недостаточно быстро.

Эту книгу не стоило бы писать, если бы уже сегодня каждый советский гражданин, могущий оказать помощь расследованию⁵⁹, всегда такую помощь оказывал.

Если бы... Но ведь бывают ситуации, когда должностное лицо, нуждающееся в помощи населения⁶⁰ и обратившееся за ней, содействия все же не получает.

Еще вчера жители городка проявили массу инициативы, помогая изобличить поджигателя, а сегодня следователь тщетно пытается добиться активности по делу об убийстве. Месяц назад газетное извещение о наезде не дало никаких результатов, а ныне после такого же, казалось бы, сообщения о совершенно аналогичном преступлении дежурный государственной автомобильной инспекции не успевает отвечать на звонки.

---

⁵⁷ Термин «внутренний враг» по отношению к преступнику принадлежит А. Н. Шелепину (Речь на XXII съезде КПСС. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1962. – Т. II. – С. 409).

⁵⁸ Здесь и ниже, если специально не оговорено иное, под термином «следователь» понимается всякое должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование.

⁵⁹ Проблема форм участия трудящихся в расследовании – тема специального исследования. Мы здесь лишь оговоримся, что для нас эти формы не сводятся к общественным помощникам следователя, к участию привлеченных активистов в следственных и иных производимых в интересах расследования действиях, для нас это еще и явка в компетентные органы по собственной инициативе потенциальных свидетелей, представление гражданами объектов, несущих информацию по делу.

⁶⁰ Статья 128 УПК РСФСР говорит о привлечении к расследованию общественности. Другие нормативные акты и партийные документы (например, основополагающее Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 2 марта 1959 года «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране») пользуются термином «трудящиеся». Мы остановились на этом последнем понятии по следующим соображениям. Термин «трудящиеся» шире, в пределах социалистического государства он в нашем понимании равновелик термину «население». А следователю в уголовном процессе нужно работать именно с населением, а не только с его наиболее передовой, наиболее активной частью. По конкретному уголовному делу ему может понадобиться помощь как раз тех лиц, которые не являются общественниками. Кроме того, тенденция развития нашего общества – в подтягивании всех его членов до уровня авангарда.

Почему это так?

И как нужно действовать, чтобы получить помощь в каждом случае?

Настоящая книга и задумана как попытка сформулировать ответы на эти волнующие каждого следователя вопросы⁶¹.

С чего начинается участие трудящихся в расследовании?

– Капитан милиции Иванов, на выход! В доме № 6 по улице Ливадных кража.

И инспектор уголовного розыска Иванов, выполняя приказ, идет и на улицу Ливадных, и на многие другие улицы и ищет вора. Он действует *ex officio* – по должности (это не означает, конечно, что гражданские чувства не имеют никакого значения для деятельности должностного лица. Напротив, морально-политические факторы сохраняют свое значение и здесь, однако для сотрудника органов внутренних дел такие факторы – нечто постоянно действующее: они проявились уже в выборе лицом определенной профессии, и здесь мы просто абстрагируемся от этой стороны вопроса).

А гражданину Петрову, слесарю соседнего завода, никто не может повелеть:

– Петров, на выход! Иди, помоги следователю.

Петров и его товарищи примут участие в расследовании лишь в том случае, если они сами отдадут себе соответствующий приказ, если они сами примут решение оказать помощь государственным органам, ведущим борьбу с преступностью. А для этого нужно, чтобы Петров и его товарищи, то есть граждане, в чьей помощи следователь нуждается, осознали необходимость внесения своего личного вклада в расследование преступления, чтобы у них возникло и укрепилось желание принять участие в изобличении конкретного преступника, пожертвовав для этого частью своего личного времени.

Не будет всего этого – не будет и помощи.

Большинство советских граждан – люди с высоким сознанием. Восприняв и усвоив информацию о том, что государственные органы нуждаются в их содействии, они совершают те действия, о которых их попросят. Однако среди многих десятков миллионов взрослых жителей нашей страны есть самые различные индивиды. И равнодушные имеются, и мещане, живущие по принципу «моя хата с краю», – ведь и преступники тоже не перевелись. А следователю надо работать со всеми. Подчас нужный, просто необходимый для успешного расследования, человек не относится к числу самых сознательных. Или инертен по складу характера. Кроме того, и сознательный человек, если не оказать на него соответствующего воздействия, порой по тем или иным мотивам может отойти в сторону при расследовании конкретного преступления, не предпринять никаких активных действий, способствующих достижению тех целей, которые он одобряет.

Расследование преступлений – дело компетентных государственных органов, их исключительная прерогатива. И привлечение трудящихся к расследованию – их же обязанность. Следователь должен уметь побудить граждан оказать ему помощь. Совершенно так же, как он должен уметь эффективно провести следственное действие, уметь пользоваться научно-техническими средствами.

Навыки работы с населением – элемент следственного мастерства. И их нужно приобретать. Не потому ли мы нередко слышим от отдельных работников скептические отзывы о возможностях общественности, что они просто не умеют работать с населением и не понимают, что этому точно так же надо учиться, как в свое время они учились фотографированию?

Всякий раз, когда не добившийся активности трудящихся следователь мечет молнии в адрес пассивных граждан, ему следует вспомнить слова В. И. Ленина: «Мы можем и должны начать строить социализм не из фантастического и не из специально созданного нами матери-

---

⁶¹ При ее написании частично использованы ранее опубликованные автором статьи по этой же проблематике.

ала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень “трудно”, слов нет, но всякий иной подход к задаче так несерьезен, что о нем и не стоит говорить»⁶².

Единый процесс привлечения трудящихся к участию в расследовании может быть парирован следующим образом.

Элемент первый – доведение информации о необходимой помощи до сведения лиц, способных такую помощь оказать. Задачи следователя здесь – правильно определить круг адресатов информации, ее объем, а также пути распространения. Круг адресатов определен, когда намеченные для привлечения лица известны следователю с самого начала. Проблема, однако, значительно усложняется, если следователю не известны его потенциальные помощники. В таких ситуациях особое значение приобретает выбор средств и направлений информации, которые обеспечили бы попадание нужных импульсов к потенциальным помощникам⁶³.

Элемент второй – это те мысли и чувства, которые возникли у гражданина в результате восприятия им информации о преступлении и о том, что государственные органы для расследования этого преступления нуждаются в его помощи. Эти мысли и чувства у различных людей различны. У части индивидов возникнет желание оказать помощь расследованию, у другой части его не будет. Более того, не всякое абстрактное желание помочь проявится вовне, в конкретных действиях по оказанию содействия следователю. Значит, конструируя сообщение о преступлении и о необходимой помощи в расследовании, надо внести в него такие элементы, которые способствовали бы возникновению у граждан решимости оказать помощь государственным органам в борьбе с преступностью вообще и в раскрытии данного преступления в частности⁶⁴. При этом следует иметь в виду, что следователь, намереваясь возбудить в гражданах активность, может воздействовать не только на их интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу. Верно в этом плане замечание В. Г. Смирнова: «Советский человек как активный участник общественных отношений никогда не действует чисто рационалистическим путем»⁶⁵. На силу правовых эмоций указывает также И. Е. Фарбер⁶⁶.

Элемент третий. Действия граждан, направленные на оказание помощи государственным органам в расследовании, будут иметь утилитарную ценность только в том случае, если их результаты будут уловлены тем работником (тем органом), который осуществляет расследование по данному делу. Поэтому проблема привлечения трудящихся к участию в расследовании включает в себя и организацию обратной связи в системе «органы внутренних дел – население»⁶⁷.

Важно, чтобы импульсы, исходящие от граждан, доходили именно до того работника, который в них нуждается и имеет возможность их использовать, а не оседали мертвым грузом в сейфах и ящиках письменных столов.

Указанная анатомия процесса привлечения трудящихся к расследованию преступлений и обусловила структуру книги.

⁶² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 4. – С. 33.

⁶³ Установление потенциальных свидетелей, поиски других источников доказательств могут вестись, конечно, и традиционным следственным путем и средствами и методами оперативной и розыскной работы. Выбор того или иного способа зависит от следователя. Он сам обязан определить, целесообразно ли для решения конкретной следственной задачи привлекать широкие слои населения.

⁶⁴ Следует, видимо, напомнить, что конкретные выгоды от участия трудящегося в расследовании – это только одна сторона медали. Другая – в воспитании в нем гражданственности.

⁶⁵ В. Г. Смирнов. Функции советского уголовного права. – Изд-во Ленинградского государственного университета, 1965. – С. 89.

⁶⁶ И. Е. Фарбер. Правосознание как форма общественного сознания. – М., 1963. – С. 89.

⁶⁷ Последующие элементы связаны с процессуальным оформлением появления в уголовном деле в результате деятельности трудящихся источников доказательств; они выходят за пределы этой книги. Проблема форм участия трудящихся в расследовании в свое время исследовалась автором в его кандидатской диссертации (Участие трудящихся в расследовании преступлений органами МООН. – М., 1964), и он надеется вернуться к ней в дальнейшем, равно как и к вопросу об организации улавливания информации, исходящей от населения.

Первый ее раздел называется «Факторы активности населения». В нем идет речь о тех обстоятельствах, которые способствуют появлению у граждан желания оказать помощь государственным органам в расследовании преступления, иными словами, способствуют их активности.

Под этим углом зрения будут рассмотрены элементы характеристики преступления, преступника и потерпевшего, авторитет органа расследования, а также факторы, связанные с личностью привлекаемого.

Второй раздел книги посвящен методам привлечения трудящихся к расследованию преступлений, то есть содержанию, форме, а также способам и направлениям распространения информации, предназначенной для возбуждения у населения активности в деле борьбы с преступностью.

Факторы активности населения

Единство общественных и личных интересов – основа активности

Основой активности⁶⁸ советских граждан в деле оказания помощи расследованию является единство общественных и правильно понятых личных интересов. Мы имеем в виду не только объективное его существование в социалистическом обществе, но и субъективное отражение этого обстоятельства в психологии граждан.

Сознание того, что каждый шаг по пути поступательного развития общества в целом – в интересах каждой отдельной личности, входящей в это общество, является стимулятором активного участия трудящихся в общих делах. В частности, сознание того, что борьба с уголовной преступностью ведется в интересах каждого члена общества, является стимулятором активного участия граждан в борьбе с преступностью⁶⁹.

Становление этого единства – процесс, который не завершен и в социалистическом обществе. Говоря о единстве общественных и личных интересов на данном этапе развития нашего общества, мы должны иметь в виду, что с общественными совпадают не все личные интересы, а только правильно понятые, и при этом, если можно так выразиться, конечные. Сегодня вполне возможно такое положение, при котором ближайший личный интерес гражданина может вступить в противоречие с интересом общественным. Например, оказание помощи расследованию в изобличении кладовщика-расхитителя – в интересах общества и, следовательно, в конечном счете – в интересах каждого члена общества. Однако ближайший личный интерес подсобного рабочего, которого кладовщик «прикармливал» за молчание, может вступить в противоречие с общественным интересом: изобличение и осуждение расхитителя лишит рабочего добавочного «дохода».

Надлежаще организованный метод привлечения индивида к общественным делам и должен помочь этому гражданину правильно осознать свой конечный интерес как члена общества, свой общественный долг – поступиться личным интересом во имя интереса общественного.

Привлекая трудящихся к расследованию уголовных дел, мы не можем, однако, основываться лишь на осознании членами социалистического общества своей общественной обязанности бороться с преступностью. Борьба с явлениями, мешающими движению нашего общества вперед, – не только обязанность, но и право каждого члена нашего общества.

Действительно, что такое работа в качестве общественного помощника следователя – право или обязанность? И шире: что такое участие в расследовании уголовных дел для трудящихся – право или обязанность?

Программа КПСС дает нам итог процесса: «Сложатся единые общепризнанные правила коммунистического общежития, соблюдение которых станет внутренней потребностью и привычкой всех людей»⁷⁰. И в настоящий момент для большей части советских людей борьба с отрицательными явлениями в жизни нашего общества путем участия в расследовании уголовных дел является внутренней потребностью. Для другой части граждан – это общественный

---

⁶⁸ О понятии социальной активности см.: Очерки методологии познания социальных явлений. – М.: Изд. «Мысль», 1970. – С. 205–213; Общественная активность молодежи. – М., 1970. – С. 13–20.

⁶⁹ Ю. А. Соколов пишет: «Закономерным является массовое совпадение общенародной воли, возведенной в закон, с индивидуальной волей членов общества» // Труды ВШ МООП РСФСР. – Вып. 8. – М., 1963. – С. 70.

⁷⁰ Программа КПСС. – М.: Изд-во «Правда», 1961. – С. 110.

долг, для третьей – нечто, их не касающееся. Для того чтобы эти различия стали понятными, рассмотрим их эволюцию.

На первой стадии развития человеческого общества не было никакого различия между правами и обязанностями. Не было его потому, что на этом этапе цель и у общества в целом, и у каждой личности, в это общество входившей, одна: выжить. Ибо производимого едва хватает на поддержание жизненных сил, ибо каждый знает, что, выполняя какую-либо функцию в интересах общества, он действует и в своих интересах, и от его действий никто больше его самого не выиграет. Отношения между отдельными личностями ясны, не затуманены. Выполняя общественную функцию сохранения огня, субъект отчетливо себе представлял, что утрата огня повлечет за собой массу неприятных последствий для всех членов данного рода. Саботируя охоту на крупного зверя, он знает, что тем самым уменьшает вероятность получения каждым членом рода обильной мясной пищи и т. п.

«...Для индейца не существует вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или ее выкуп правом или обязанностью, такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, что такое еда, сон, охота – право или обязанность»⁷¹.

С образованием классового общества между правами и обязанностями ложится глубокая пропасть; «цивилизация, – учит Энгельс, – даже круглому дураку разъяснит различие и противоречие между ними (правами и обязанностями. – В. Т.), предоставляя одному классу почти все права и взваливая на другой почти все обязанности»⁷².

Поскольку в доклассовом обществе не было различия между правами и обязанностями, а каждое из этих понятий немыслимо без своей противоположности, то следует прийти к выводу о том, что при первобытнообщинном строе вообще не было ни прав, ни обязанностей. Для характеристики функций, выполнявшихся личностями в доклассовом обществе, надо употребить какой-то третий термин. Различие возникает и начинает развиваться с возникновением и развитием частной собственности. Раз возникнув, права и обязанности личностей и их взаимозависимость не остаются неизменными. Остается лишь факт наличия противоположности между ними. Усиливаясь в рабовладельческом и феодальном обществах, эта противоположность достигает своего наибольшего значения в буржуазном.

На протяжении многих веков философы, социологи и юристы различных профилей занимались выяснением вопроса об отношениях между личностью и обществом, личностью и государством. И все это время государство, осуществлявшее волю господствующего класса, попирало права личности из эксплуатируемых классов в соответствии с теориями, импонируемыми воле господствующего класса, или вопреки им. Однако и первые и вторые исходили как из чего-то само собой разумеющегося из обязательности антагонизма личности и общества. Даже наиболее либеральные авторы теорий считали, что идеально свободной может быть только та личность, которую общество оставит в покое, возложив на нее как можно меньше обязанностей. О помощи личности со стороны общества или государства, о совместных действиях в одном направлении (общества в целом и каждой личности в отдельности) никто из теоретиков даже не задумывался, ибо действительность эксплуататорского общества не давала для этого материала⁷³.

⁷¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Изд. второе. – Т. 21. – С. 159.

⁷² Там же. – С. 177.

⁷³ К примеру, Руссо, Милль, Гроций, Локк и их последователи весьма энергично отстаивали свободу частного лица от вмешательства со стороны не только государства, но и общества посредством общественного мнения. «Общество, – писал Джон Стюарт Милль, – только тогда вправе вмешаться в дела личности, когда эта личность начинает вредить другим (это не то же самое, что вредить государству или обществу в целом)». И далее, выражая свое весьма скептическое отношение к буржуазной демократии: «...так называемое самоуправление не есть такое правление, где бы каждый управлял сам собой, а такое, где каждый управляется всеми остальными» (Д. С. Милль. Утилитарианизм. – СПб., 1900. – С. 151).

Причины антагонизма между личностью и обществом в эксплуататорском государстве раскрывают К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». Они показывают, что вместе с разделением труда появляется противоречие между интересами отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; причем этот «общий» интерес существует не только в представлении людей, он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд⁷⁴. Поскольку же достижение целей, стоявших перед отдельными индивидами, не находилось ни в какой зависимости от целей, которые ставило перед собой общество, эти последние представлялись каждому отдельному человеку совершенно чуждыми. Отсюда народная мудрость того времени: «Моя хата с краю», «Каждый сверчок знай свой шесток» и т. д. Очень показательны в этом отношении слова члена Верховного суда США У. Дугласа, заявившего, что существенной частью свободы человека является «право на то, чтоб тебя оставили в покое»⁷⁵.

Пролетариат не может освободить себя, не освободив все общество. Освобождая себя как класс, пролетариат создает предпосылки для уничтожения всех классов и освобождения всех членов общества. Таким образом, интересы общества и правильно понятые интересы каждой личности из трудящихся классов (а с отмиранием классов и каждой личности в обществе) совпадают.

Пролетариат, придя к власти, объединяет общество и ставит под свой контроль все стороны жизни индивидов. Условия, которые до сих пор ставились случаем и противопоставляли отдельных индивидов друг другу и обществу в целом, теперь формируются сознательно с учетом объективных законов развития общества и объединяют индивидов для достижения общей цели.

Законы диалектического развития говорят о том, что противоречие между правами и обязанностями неизбежно будет снято, и человеческое общество вновь вернется к единству прав и обязанностей, но уже на более высокой основе.

Если раньше такое разделение не имело места потому, что при том уровне развития производительных сил не было объективной возможности получения кем-либо каких-нибудь преимуществ, то на более высокой ступени развития такие «преимущества» будут созданы всем членам общества (изобилие, а также вся система общественных отношений), в силу чего они потеряют характер преимущества и, следовательно, исчезнет всякое объективное содержание в различении прав и обязанностей. Это различие еще некоторое время сохранится в идеологии и языке, а затем исчезнет вовсе. Социальная революция пролетариата положила начало этому процессу.

Вторая сторона интересующей нас проблемы заключается в возникновении, развитии и последующем снятии противоречий между обществом в целом и отдельными его членами. Такого противоречия также не было и не могло быть в первобытнообщинном обществе до первого разделения труда и появления частной собственности. Возникнув, это противоречие развивается, чтобы быть снятым на более высокой ступени развития. Процесс снятия этих противоречий начинается с пролетарской революции.

Таким образом, после социальной революции пролетариата появляется возможность привлечения каждой личности к выполнению задач, стоящих перед обществом в целом, не только путем нажима, оказываемого обществом или государством на личность, но и в связи с тем, что решение задач, стоящих перед обществом, соответствует интересам, убеждениям и т. д. каждой отдельно взятой личности, входящей в общество. Эта возможность еще более

⁷⁴ См.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 3. – С. 31.

⁷⁵ Советское государство и право. – 1961. – № 10. – С. 58. – Весьма показательно, что в настоящее время Уильям Орвилл Дуглас подвергается в США настоящей травле (см.: С. Вишневский. Дело судьи Дугласа // США: политика, экономика и идеология. – 1970. – № 9).

увеличивается в связи с превращением государства диктатуры пролетариата в общенародное государство⁷⁶.

Привлечение всех и каждого к выполнению задач, стоящих перед обществом в целом, имеет большое значение для социализма в силу того обстоятельства, что пролетариат, взяв власть, должен решить грандиозную, ранее ни одним из господствующих классов не решавшуюся задачу – построение нового общества. Ведь одним из радикальных отличий социализма от всех предшествующих общественно-экономических формаций является то, что социалистические производственные отношения не складываются в недрах капитализма, а создаются в результате сознательной деятельности масс уже после социалистической революции.

Для того чтобы возможность привлечения каждого индивида к решению задач, стоящих перед обществом в целом, превратилась в действительность, нужна сознательная и целеустремленная деятельность передовых сил (в частности и прежде всего, партии) по внедрению в сознание граждан понимания единства интересов общества и личности.

Одновременно (что было уже отмечено выше) идет процесс и объективного совмещения этих интересов. Но мы акцентировали внимание на необходимости понимания этого факта в связи с тем, что сознание отстает от бытия, и противоречия⁷⁷, снятые в объективной реальности, еще продолжают жить в сознании как сущие.

Так, в объективной реальности нет противоречий между жильцом, проживающим в государственном доме, и государством в отношении сохранения жилого фонда.

И государство (общество) и жилец (личность) заинтересованы в сохранении жилого фонда. В то же время сознание человека сохранило исторически сложившееся противоречие интересов квартирантанимателя и квартиросдатчика.

Это только в сознании сущее противоречие приводит, однако, к результатам, которые проявляются в жизни: некоторые жильцы допускают действия, ведущие к разрушению жилого фонда.

Сохранению в сознании тех противоречий, которые уже сняты в реальной жизни, способствует то обстоятельство, что в нашем обществе некоторые процессы и явления выступают в старой форме, хотя в них и влито новое содержание.

Так, например, деньги, получаемые членом социалистического общества за свой труд на общенародном предприятии, конечно, затуманивают действительное взаимоотношение интересов между обществом и личностью, представляя его внешне как простое взаимоотношение работодателя и работника, а интересы обычного работодателя и обычного работника, конечно, противоречивы. А отсюда возможность формирования взгляда на социалистическую собственность как на казенно-отчужденное имущество⁷⁸.

Тот факт, что наш общественный и государственный строй создают возможность для привлечения личности к решению задач, стоящих перед обществом в целом, и что для превращения этой возможности в действительность нужна активная деятельность передовой части общества (партии и т. д.) и государственного аппарата, имеет большое практическое значение. В нем находит свое выражение указание классиков марксизма-ленинизма и Программы КПСС о том, что коммунистическое общество будет построено в результате сознательной творческой деятельности масс.

---

⁷⁶ См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза. XXII съезд КПСС: Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1962. – Ч. III. – С. 303.

⁷⁷ Вообще-то взаимоотношение между сознанием и бытием не столь однозначно. Сознание может адекватно отражать бытие, а может и опережать его. Однако общим правилом остается, что общественное сознание отстает от общественного бытия.

⁷⁸ См.: А. Н. Ларьков. Изучение личности расхитителя и предупреждение хищений на предварительном следствии и в суде. Автореф. канд. дис. ... – М., 1969. – С. 8. Программа КПСС. – М.: Политиздат, 1961. – С. 106.

Уголовный процесс – одна из сфер весьма тесного соприкосновения интересов личности и общества. Это соприкосновение и взаимодействие происходят в различных формах и аспектах. Антагонистичны и непримиримы противоречия между обществом и преступником. Именно потому, что это противоречие антагонистично, оно не может быть снято сближением противоположностей, как это происходит при снятии противоречия между правами и обязанностями.

Противоречие между преступником и обществом может быть снято только уничтожением такого социального явления, как преступность. Именно такая цель и стоит перед нашим обществом. И нет сомнения в том, что в конечном счете она будет достигнута.

В Программе КПСС записано: «В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности». Однако пока преступления совершаются. И к лицам, их учиняющим, будут применяться строгие меры наказания. Кроме того (и именно здесь направление главного удара!), общество будет предпринимать меры для предотвращения преступлений.

В ходе выполнения этих задач, как в пределах уголовного процесса, так и вне его (предотвращение преступлений оперативным путем, предотвращение преступлений трудящимися и т. д.), имеют место взаимоотношения личности (не преступника), с одной стороны, и общества и государства – с другой. Личность здесь предстает либо в качестве потерпевшего, либо в качестве третьих лиц. Получить помощь потерпевшего в раскрытии преступления, как правило, не представляет труда. Не случайно поэтому законодатель увеличивает правовые и организационные возможности участия потерпевшего в судопроизводстве.

Сложнее обстоит дело с получением помощи в расследовании и предотвращении преступлений от тех, кого *мы* выше называли третьими лицами, то есть от граждан, не являющихся ни потерпевшими, ни их родственниками⁷⁹.

Несмотря на то, что в социалистическом обществе преступник, причиняя вред обществу в целом, тем самым, в конечном счете, затрагивает и интересы каждой личности в отдельности, и, следовательно, изобличение преступника – в интересах подавляющего большинства членов общества, мы изредка сталкиваемся с прямой ложью и отказом от дачи показаний, чаще – с умолчанием и очень часто – с пассивностью в отношении обязанности (или права) свидетельствовать. Практика показывает, что на нынешнем этапе развития нашего общества большинство свидетелей, допрошенных по уголовным делам, было вызвано для допроса, а не явилось в компетентные органы по собственной инициативе⁸⁰.

Это лишнее доказательство того, что активность надо воспитывать.

До сознания каждой личности, составляющей наше общество, нужно довести не только знание того, что она получит в связи с построением коммунизма, но и твердое знание, что она (личность) должна дать обществу с тем, чтобы коммунизм был построен быстрее.

---

⁷⁹ И вновь, если обратиться к истории уголовного процесса, мы обнаруживаем ту же закономерность, которую констатировали в развитии соотношения прав и обязанностей. Уже в обвинительном процессе, характерном для раннего феодализма, действует общее правило: обвинителем не может выступать «чужой» (см.: *М. А. Чельцов-Бебутов*. Положение личности в уголовном процессе. – М., 1948 – Ч. 1. – С. 42). Правда, государственная власть делает попытки вменить преследование преступника по горячим следам в обязанность населению, но для этого ей приходится прибегать к угрозе наказанием (см.: там же. – С. 56). Думается, что авторы ордонанса, установившего это правило, исходили не столько из проявления активности масс, сколько из слабости государственных органов, оказывавшихся не в состоянии обеспечить задержание преступника на месте преступления своими силами. В уголовно-процессуальных системах, характерных для капитализма, мы уже не находим соответствующей правовой обязанности.

⁸⁰ Бабаков и Виттенберг приводят следующие данные: из обследованных ими осужденных в г. Иркутске 25 % подтвердили, что о совершении ими преступлений знали родные или другие граждане и никому об этом не сообщили (см.: *Ф. Е. Бабаков, Г. Б. Виттенберг*. Выявление причин преступности – основа для принятия общественностью мер предупреждения преступлений // Труды Иркутского государственного университета. – Т. XVIII. – Серия юридическая. – Вып. 5.– Ч. I. «Возрастание роли общественности в деятельности советских государственных органов». – Иркутск, 1961. – С. 68 (см. также: *Т. Сытина*. Три креста // Литературная газета. – 1964. – 21 марта).

Классификация и характеристика факторов активности

Объективно существующее в социалистическом обществе единство общественных и правильно понятых личных интересов создает большие возможности для привлечения трудящихся к борьбе с преступностью. На этой основе как на незыблемом фундаменте зиждется целая система обстоятельств, влияющих на активность трудящихся в деле оказания помощи расследованию. Используя тенденции, действующие в нужном направлении, нейтрализуя противодействующие, следователь получает возможность влиять на реакцию граждан, на их поведение. Он уже не путник, бредущий в потемках. Он получил в свое распоряжение яркий фонарь и, пользуясь им, может со знанием дела выбирать дорогу, ведущую прямо к цели. Обращаясь к населению, следователь получает возможность включить в информацию такие элементы, которые способствуют формированию у гражданина решимости помочь следствию, осознанию им своего морального долга.

Существует целый ряд специфических факторов, влияющих на активность трудящихся в борьбе с преступностью. Все они носят в основном мировоззренческий характер (оценка тех или иных явлений внешнего мира на основе системы взглядов, усвоенной индивидом). Л. П. Бueva правильно отмечает: «Личность выполняет определенные общественные функции с разной степенью социальной активности, в зависимости от субъективных позиций и установок личности, от ее отношения к общественной деятельности, общественным целям»⁸¹.

Однако на активности могут сказаться и более частные факторы, влияющие на восприятие и оценку субъектом органов, борющихся с преступностью (т. е. именно тех органов, решение об оказании помощи которым он должен принять), и обстоятельств, связанных с расследованием и судебным рассмотрением уголовных дел.⁸²

Наконец, поведение граждан в уголовном процессе будет в известной мере определяться и таким социально-психологическим фактором, как человеческий характер, в частности, энергичностью или, напротив, инертностью привлекаемого субъекта, его общительностью или замкнутостью и т. п.

Многообразие факторов, влияющих на активность трудящихся в борьбе с преступностью, приняв за основание деления критерии субъективного характера, можно свести в следующие основные группы:

- а) отношение к преступлению;
- б) отношение к органам расследования (авторитет органов внутренних дел);
- в) факторы, связанные с личностью привлекаемых к расследованию и оценкой ими своего участия в этом процессе.

Рассмотрим каждую из этих групп более подробно.

Первая группа факторов активности – отношение к преступлению

Эта группа факторов складывается из таких более частных элементов, как отношение трудящихся к преступности вообще как к социальному явлению – генеральная оценка преступности; отношение к определенной категории преступлений и к конкретному преступлению, оценка преступника, оценка потерпевшего.

---

⁸¹ Л. П. Бueva. Очерки методологии познания социальных явлений. – М.: Изд-во «Мысль», 1970. – С. 205.

⁸² Е. А. Лукашова совершенно правильно акцентирует внимание на неразрывной связи психологии индивида с его правосознанием (см.: *ее же*. О воспитании правосознания и правовой культуры в период развернутого строительства коммунизма // Советское государство и право. – 1962. – № 7. – С. 34).

Генеральная оценка преступности. Подавляющее большинство советских граждан на сформулированный в общей форме вопрос: «Как вы относитесь к преступности?» почти наверняка ответит: «Конечно, отрицательно». Даже сами правонарушители негативно оценивают такое социальное явление, как преступность.

«Никто из правонарушителей, – замечает А. М. Яковлев, – не пытается объявить само по себе насилие над личностью, например, или кражу в принципе правильным и достойным делом. Для них характерно скорее подыскание именно для своего конкретного акта оправдывающих... обстоятельств...»⁸³

Наблюдения, осуществляемые в местах лишения свободы и в ходе расследования уголовных дел, дают достаточно иллюстраций весьма энергичного возмущения со стороны расхитителей социалистической собственности карманными ворами и взломщиками⁸⁴. Последние отвечают им взаимностью, и те, и другие с презрением отворачиваются от растлителя малолетних и насильника.

Некто П. (Барнаул, 1966) изнасиловал и убил малолетнюю. В следственном изоляторе, куда он был помещен, пришлось принимать специальные меры для его охраны от расправы со стороны других заключенных (по сообщению зам. начальника ОУР Алтайского крайисполкома А. М. Афанасьева).

Отношение к определенной категории преступлений. Однако от отрицательного отношения к преступности вообще до проявления гражданином активности в изобличении конкретного преступника – дистанция огромного размера. Уже в реакции правонарушителей – здесь, пожалуй, наиболее рельефно – проявляется та закономерность, что общее отрицательное отношение к преступности складывается из дифференцированной оценки различных ее компонентов. Если разложить единое отрицательное отношение гражданина к преступности вообще на его отношение к различным видам преступлений (основания деления преступлений на виды в этом плане не всегда совпадают с теми, которые положены в основу классификации преступлений Особенной частью уголовных кодексов), то мы обнаружим, что степень «отрицательности» очень и очень неодинакова, а по отношению к отдельным категориям преступлений реакция определенных малых групп населения может характеризоваться и почти полным отсутствием осуждения (например, убийство из кровной мести в некоторых, отдаленных местностях, браконьерство в населенных пунктах, сильно зараженных этим недугом). В официальных документах, исходящих из охотничьей и рыболовной инспекций, мы находим свидетельство тому, что даже среди работников органов внутренних дел, прокуратуры и суда браконьеры не всегда вызывают решительное осуждение. Что же говорить об остальном населении?

Аналогичные соображения можно было бы высказать в отношении самооговаривания и некоторых других видов правонарушений.

Казалось бы, чем больше общественная опасность данного вида преступлений, тем больше каждое из них взволнует население, и, следовательно, тем большую активность проявят граждане при расследовании уголовного дела. Однако изучение практики приводит к выводу, что такая прямо пропорциональная зависимость проявляется далеко не всегда⁸⁵.

⁸³ А. М. Яковлев. Правосознание как объект конкретно-социального исследования // Ученые записки ВНИИСЗ. – Вып. 23. – М., 1971. – С. 12.

⁸⁴ Это обстоятельство отмечают и другие исследователи. «Расхититель будет возмущаться людьми, совершающими насилие и кражи. И при этом он искренне «забудет» о том, что его деятельность есть преступная деятельность» (И. И. Карпец. Проблема преступности. – М.: Юридическая литература, 1969. – С. 102).

⁸⁵ В этом плане представляют известный интерес собранные нами данные, характеризующие участие населения в раскрытии различных видов преступлений. Если принять все преступления, раскрытые с помощью общественности, за 100 %, то на долю хулиганства и оказания сопротивления представителям власти и дружинникам придется более 43 %. Все виды посягательств на социалистическую собственность составят 23 % (причем большая часть падает на посягательства, учитываемые по линии ОУР), все виды посягательства на личную собственность – 12 %, причинение телесных повреждений – 6,5 %,

Как и всякая статистическая закономерность, она проявляется более или менее отчетливо (и то с существенными отклонениями от нормы) лишь при анализе большого количества фактов и психологии среднестатистического гражданина. Нередки конкретные ситуации, когда преступления, представляющие собой большую общественную опасность, вызывают малую активность населения, и наоборот⁸⁶.

Так, следователи и оперативные работники сельских районов давно заметили, что по делам о карманных и квартирных кражах активность населения значительно выше, чем по делам о хищениях зерна и других сельскохозяйственных продуктов (особенно при уборке и перевозке).

С аналогичной реакцией на преступления можно столкнуться на предприятиях легкой и пищевой промышленности.

Такие исключения из общего правила отнюдь не беспричинны. Они порождены вполне определенными факторами и имеют свои закономерности, нуждающиеся в самом глубоком изучении. Без этого невозможен научный подход к вовлечению трудящихся в борьбу с преступностью. Поэтому прав А. И. Денисов, когда он пишет: «...необходимо глубоко и всесторонне исследовать роль и значение общественного мнения, а также факторы, его формирующие... Общественное мнение заслуживает специального изучения и обобщения – в этом не может быть сомнения. Очень важно, чтобы юридические науки – государственное и административное право, уголовное, гражданское и процессуальное право в особенности – взялись за это дело»⁸⁷.

Отношение к конкретному преступлению – это, бесспорно, элемент общественного мнения, и оно нуждается в серьезном, планомерном и углубленном изучении.

Весьма показательно, что о роли общественного мнения для правильного разрешения уголовных дел все более решительно говорят сами представители общественности⁸⁸.

Датский социолог проф. Кучинский, изучавший общественное мнение о праве и правовых институтах, пришел к выводу о том, что у одного и того же человека весьма часто могут существовать установки на самых различных уровнях, иногда находящихся даже в противоречии друг с другом. Например, отмечает исследователь, человек может быть убежден в том, что только суровое наказание исправит преступников, однако в конкретной ситуации он выскажется за мягкую меру наказания, поскольку на его позиции скажутся другие его установки (симпатия к людям, подобным обвиняемому, и т. п.)⁸⁹.

Следует отметить, что активность населения в борьбе с определенными категориями преступлений зависит и от степени совпадения позиции законодателя при конструировании нормы материального уголовного права с общественным мнением. На это обстоятельство указывал еще К. Маркс в «Дебатах по поводу закона о краже леса». Если народ, – писал он, – «видит наказание там, где нет преступления, он перестает видеть преступление там, где есть наказание»⁹⁰. И в другом месте: «...безусловный долг законодателя – не превращать в преступление то, что имеет характер проступка»⁹¹.

прочие – 15,5 %.

⁸⁶ В этой связи справедливо замечание Р. Д. Рахунова, отмечавшего, что хотя вопрос об общественной опасности относится к области уголовного права, исследование его представляет практический интерес и для процессуалистов (см. его: Назревшие задачи советской уголовно-процессуальной науки // Социалистическая законность. – 1957. – № 2. – С. 32).

⁸⁷ А. И. Денисов. О правовом регулировании деятельности общественности по обеспечению социалистической законности в СССР. Советская общественность на страже социалистической законности. – М.: Юриздат, 1960. – С. 141.

⁸⁸ Так, например, рабочий Андреев из Ленинграда уподобляет общественное мнение «тончайшему инструменту, помогающему органам (суда и следствия. – В. Т.) выверять правильность своих решений и действий» (А. Андреев. Уважать общественное мнение // Известия. – 1964. – № 194).

⁸⁹ См.: Советская юстиция. – 1970. – № 23. – С. 13.

⁹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – Т. 1. – С. 122–123.

⁹¹ Там же. – С. 131.

Отношение к конкретному преступлению складывается из:

- а) опасения оказаться жертвой того же преступника или аналогичного преступления;
- б) оценки личности потерпевшего и его поведения, связанного с преступным посягательством;
- в) оценки деяния и лица, его совершившего.

Опасение оказаться жертвой посягательства (тревога) в той или иной степени возникает почти у каждого гражданина, который воспринял информацию о совершении преступления. Степень и само наличие тревоги зависят от ряда моментов, побуждающих воспринимающего информацию о преступлении подсознательно производить определенную подстановку – представлять себя или своих близких на месте жертвы этого или аналогичного преступления. К ним относятся: особенности объекта, а также предмета преступного посягательства, место и время и иные условия совершения преступления. Подчас появившееся волнение ничтожно мало скажется на последующем поведении воспринимающего субъекта, однако при определенных условиях оно доминирует.

Тревога явилась основным фактором активности, например, в следующей ситуации. В г. Кыштыме Челябинской области в одну из ночей сентября было подожжено шесть домов, в следующую – восемь. Пожары взволновали население. Следователю и сотрудникам милиции не требовалось предпринимать никаких мер для поднятия активности. Более того, приходилось опасаться, чтобы она не стала чрезмерной и не привела к эксцессам. В патрулировании по улицам города и охране домов принимали участие от двух до трех тысяч человек. Каждую ночь добровольцы отправлялись дежурить в пожарную часть в помощь штатным пожарным. Одного из работников УВД, прибывшего в город с опергруппой и не известного населению, патрульные несколько раз задерживали и доставляли в милицию как подозрительное лицо.

Мы полагаем, что в данном случае активность была порождена почти исключительно тревогой. Отрицательная оценка личности преступника здесь не могла играть особой роли, так как последний не был известен. То же самое следует сказать и о сострадании к потерпевшим: все пожары были быстро ликвидированы и не причинили существенного материального или иного ущерба. В то же время опасения каждого жителя подвергнуться поджогу были велики: преступник поджигал без всякой видимой системы. А Кыштым – город в значительной степени деревянный.

На степень тревоги оказывает влияние и место совершения преступления. Событие, происшедшее под окнами дома или в районе постоянных коммуникаций воспринимающего субъекта, при прочих равных условиях, встревожит его больше, чем преступление, совершенное в отдаленной части города. Человеку свойственно тревожиться не только за себя. Поэтому тревога возрастает и в том случае, если место преступления находится вблизи дома или работы его близких.

Существенное влияние на степень тревоги оказывает также время совершения преступления. Так, преступление, совершенное на ночной улице, когда там обычно никого не бывает, встревожит меньше, чем посягательство, имевшее место на той же улице в часы пик. В первом случае у субъекта, воспринимающего информацию, возможна подсознательная мысль: я по ночам дома сижу, во втором – человек столь же подсознательно может представить себя на месте жертвы. Дополнительную тревогу в этом случае вызывает дерзость преступника, орудующего среди бела дня. Напротив, вторжение в жилище (с целью кражи или любой другой) вызовет больше тревоги, будучи совершено ночью, ибо в это время труднее получить чью-либо помощь. Правда, дополнительным, влияющим на тревогу, фактором в этой ситуации будет то обстоятельство, что в дневное время большинство жилищ пустует – взрослые члены семей находятся на работе.

На степень тревоги оказывает влияние и объект посягательства. Объект редкий вызовет меньше тревоги (точнее, вызовет тревогу у меньшего числа лиц), чем объект распростра-

ненный. Так, к примеру, серия угонов автомашин вызовет сильную тревогу у ограниченного числа лиц – автолюбителей, профессиональных шоферов и т. д. В то же время серия разбойных нападений вызовет общую тревогу. Различен характер тревоги при посягательствах на социалистическое и личное имущество. Было бы непростительным утопизмом закрывать глаза на то обстоятельство, что в ряде ситуаций преступления против общественной собственности вызывают меньше тревоги, чем против личной.

Большую тревогу вызывают посягательства на социалистическую собственность со стороны лиц, не имеющих доступа к похищаемым ценностям, а также хищения в крупных и особо крупных размерах. Поднять активность населения против мелких краж, совершаемых колхозниками с полей и токов, рабочими – с предприятий легкой промышленности, значительно труднее. Такое положение не должно нас удивлять.

Воспитывавшееся веками среди населения отношение к государственному имуществу как к чему-то казенному, чуждому, не исчезнет из индивидуального сознания сразу же после социалистической революции по мановению волшебной палочки.

В. И. Ленин указывал, что только Советская власть способна переделывать подобные элементы в человеческой психологии, но и для нее нужно продолжительное время и громадная настойчивость⁹².

При одном и том же объекте посягательства степень тревоги может быть различной в зависимости от мотивов деяния. Категория преступлений, которые могут затронуть интересы строго очерченного (причем, ограниченного) круга лиц, вызовет локальные опасения. Так, убийство из мести или ревности вызовет меньшую тревогу и меньшую активность населения, чем убийство при ограблении или из хулиганских побуждений.

Следует отметить, что тревога, как правило, мала, если и преступник, и потерпевший – члены одной семьи.

На степень тревоги оказывает влияние также положение преступника в обществе. Взятничество, к примеру, вызывает при прочих равных условиях тем большую тревогу, чем большее число лиц в своей повседневной жизни вынуждено к взяточнику обращаться, чем больше граждан от него зависит. Взятчик, продавший «по блату» билет на Луну, вызовет, пожалуй, лишь любопытство. Однако он же на поприще распределения квартир способен вызвать гораздо менее безобидные чувства. Надо только уметь их пробудить.

Встречающиеся подчас ошибки в следственно-судебной практике приводят к возникновению у части граждан представления о фактической безнаказанности лиц с высоким служебным положением. Поэтому степень тревоги увеличивается при совершении преступлений указанными выше категориями лиц. Однако в этом частном случае взаимозависимость между степенью тревоги и активностью граждан гораздо сложнее, чем в большинстве других. Здесь на активность будет влиять и опасение расправы со стороны обвиняемого.

Яркую иллюстрацию к этому утверждению мы находим в открытом письме корреспондента «Комсомольской правды» в прокуратуру РСФСР. Председатель колхоза Камалов избил за письмо в газету семнадцатилетнего подростка. Журналист приехал в деревню через 3 месяца после преступления, когда виновники его находились на свободе. Он пишет: «Я разговаривал со многими жителями деревни. Они уклонялись от ответов, отмачивались. Несколько человек заявили откровенно:

– Вы уедете, а Камалов останется.

---

⁹² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 36. – С. 184.

Этих людей можно понять. Они боятся. Они знают, что Камалов занимался рукоприкладством и раньше. В деревне ходят слухи, что кто-то обязательно “выручит Камалова” и на этот раз»⁹³.

Партийная печать неоднократно констатировала отрицательное влияние на правосознание практики замены уголовной ответственности для правонарушителей мерами партийной и иной ответственности, единственно по мотивам их членства в партии⁹⁴.

Существенное, часто недооцениваемое на практике, влияние на тревогу оказывают возникающие у граждан представления о возможных последствиях правонарушения. УВД Сахалинского облисполкома привлекло к уголовной ответственности за подделку диплома об окончании медицинского вуза К. Не считая преступницу слишком опасной, следователь не изолировал ее от общества. Он полагал, что и суд ограничится наказанием, не связанным с лишением свободы. Однако судья и народные заседатели, в полном согласии с общественным мнением, исходя из того, что К., не обладая знаниями врача-педиатра, могла своей медицинской деятельностью причинить ущерб здоровью детей, определили ей наказание в виде лишения свободы.

Еще старый итальянский юрист Бентам писал о таком факторе, влияющем на степень тревоги, как трудность или легкость противодействия посягательству. «Ум тотчас начинает сравнивать средства нападения и обороны, и тревога бывает более или менее сильной, смотря по тому, считается ли совершение преступления более или менее легким. Сила может делать многие вещи, которых не могла бы сделать хитрость... Тот грабеж, который происходит в самом жилище, производит больше тревоги, чем тот, который происходит на большой дороге; грабеж, совершаемый ночью, производит больше тревоги, чем грабеж, совершаемый среди бела дня⁹⁵, тот, который соединяется с поджигательством, больше, чем тот, который ограничивается обыкновенными способами. С другой стороны, чем более видимая легкость противодействия преступлению, тем меньше оно возбуждает тревоги. Тревога бывает не так сильна, когда преступление не может быть совершено без согласия страдающей стороны»⁹⁶.

Приведенные мысли Бентама в основном сохраняют свое значение и сейчас, они находят подтверждение в практике борьбы с преступностью. Действительно, каждый работник МВД неоднократно мог убедиться, что, к примеру, изнасилование, совершенное на квартире насильника, куда потерпевшая пришла по собственному желанию, или в ее доме, при прочих равных условиях вызовет меньшую тревогу среди населения, чем изнасилование женщины, незнакомой насильнику, в иных условиях. Точно так же разбойное нападение, совершенное вооруженной группой, вызовет больше тревоги, чем такое событие, при котором потерпевший сам отдал деньги и часы невооруженному преступнику-одиночке.

Реакция граждан на правонарушение во многом зависит от того, скрылся ли преступник, или к нему своевременно применена мера пресечения, эффективна ли эта мера пресечения, или хулиган по-прежнему имеет возможность терроризировать окружающих. Если убийца скрылся, то тревожные чувства, естественно, возрастают. Если он известен и изолирован – настроение спокойнее. Нахождение опасного преступника на свободе может препятствовать деятельности граждан по оказанию помощи расследованию в связи с опасением возможной расправы. Такие же последствия может вызвать неотстранение от должности злоупотреблявшего служебным положением лица.

Когда преступник известен, на активности населения начинает сказываться его оценка общественным мнением. Очевидно, что отрицательная оценка преступника общественным

⁹³ Ж. Миндубаев. Мирятся с подлостью // Комсомольская правда. – 1966. – 23 июня.

⁹⁴ См.: Перед законом все равны // Партийная жизнь. – 1962. – № 11; 1963. – № 2.

⁹⁵ Утверждение, что ограбление, совершаемое ночью, возбуждает большую тревогу, чем такое же преступление, совершаемое днем, на наш взгляд, не находит подтверждения в современной практике.

⁹⁶ И. Бентам. Избранные сочинения. – СПб., 1867. – Т. 1. – С. 152.

мнением должна влечь за собой повышенную активность населения, и если здесь мы повторяем эту явную банальность, то только потому, что изучение многих и многих обращений к населению показало, что значительная часть работников МВД совершенно игнорирует это обстоятельство. В их публикациях и выступлениях преступник предстает этаким безликим, лишенным всякой индивидуальности и в силу этого не вызывающим никаких эмоций носителем фамилии, имени и отчества (если они, к тому же, известны). Даже в тех случаях, когда следователь понимает важность индивидуальной обрисовки личности преступника для возбуждения у населения не любых, а нужных ему мыслей и чувств, он делает это либо вслепую, либо на основании лишь своего личного опыта, ибо влияние на общественное мнение (и через него – на активность населения) личности преступника в нашей литературе почти не изучалось. Если опытный работник МВД с большей или меньшей уверенностью предскажет сравнительную активность населения в зависимости от числа и характера судимостей преступника, то и он окажется в затруднении, если попросить его поставить активность населения в зависимость, к примеру, от возраста обвиняемого.

Велика активность окрестного населения на такого специального субъекта, как бежавший заключенный.

Обстоятельства, усугубляющие отрицательную оценку правонарушителя общественным мнением, в основном совпадают с обстоятельствами, отягчающими уголовную ответственность, перечень которых дается законодателем в ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (и в соответствующих статьях УК союзных республик). Такое совпадение вполне понятно: в обществе, где нет антагонистических классов, правосознание едино, и закон отражает это. Однако это общее соответствие не исключает специфики оценки определенного элемента характеристики в зависимости от особенностей обычаев, условий быта, национального характера и т. д. той или иной группы населения.

Единство в оценке деяния законом и общественным мнением может быть нарушено в случае принятия волюнтаристского, не порожденного объективными закономерностями развития общества, нормативного акта.

Все сказанное в равной мере относится и к обстоятельствам, смягчающим ответственность (ст. 33 Основ уголовного законодательства и соответствующие статьи УК союзных республик).

Однако имеется одно обстоятельство, оценка которого законом и общественным мнением резко различны. Обстоятельство это – состояние опьянения при совершении преступления. Закон, как известно, не считает опьянение смягчающим вину обстоятельством. Кроме того, при определенных условиях опьянение отягчает ответственность⁹⁷.

Общественное же мнение (хотя и не исключительно, но преобладающее) склонно снисходительнее отнестись к таким преступлениям, как причинение в драке телесных повреждений, сопротивление представителям власти, хулиганство и т. п., если они совершены в состоянии опьянения. Так, при расследовании дела по обвинению главного инженера шахты 4/6 (г. Макаров Сахалинской обл.) гр. Левина в совершении хулиганских действий, нанесении побоев и сопротивлении представителям власти нам пришлось столкнуться с фактом, что ряд свидетелей – людей с безупречной репутацией – пытались приуменьшить вину гр. Левина в связи с тем, что во время совершения преступления он был сильно пьян.

⁹⁷ Так, уголовные кодексы союзных республик включают в перечень отягчающих обстоятельств следующие: п. 10 ст. 39 УК РСФСР, п. 11 ст. 41 УК УССР, п. 10 ст. 38 УК БССР, п. «М» ст. 38 УК МССР, п. 10 ст. 38 УК Таджикистана – совершение преступления, связанного с использованием источника повышенной опасности лицом, находящимся в состоянии опьянения; п. 10 ст. 41 УК Литвы, п. 10 ст. 38 УК ЭССР – совершение преступления вследствие исполнения своих служебных или профессиональных обязанностей в состоянии опьянения; п. 11 ст. 36 УК Армении – совершение преступления в состоянии опьянения.

Факторы, влияющие на оценку преступника трудящимися, могут быть и не связаны с событием расследуемого преступления. Установившаяся репутация обвиняемого, его моральное лицо, отношение к работе, семейная жизнь также могут влиять на активность трудящихся. Следует учитывать возможность влияния на поведение конкретного гражданина и его личных отношений – дружественных (а то и родственных) или враждебных – к лицу, чьи действия расследуются. Это обстоятельство, ничего не дающее при работе с неопределенным кругом лиц, приобретает большое значение, когда личности возможных помощников следователя определены.

Значительный практический интерес представляет изучение вопроса о влиянии на активность граждан возраста преступника. Будет ли помощь населения более активной в том случае, когда преступление совершил несовершеннолетний, или же, напротив, сравнительно большую активность вызовет преступник-взрослый? А если преступление совершил глубокий старец? Нам представляется, что в большинстве случаев общественное мнение склонно приуменьшать социальную опасность преступников-несовершеннолетних и стариков, причем тем в большей степени, чем далее возраст оцениваемого субъекта отходит от средних лет. Поэтому при прочих равных условиях совершение преступления подростком или стариком вызовет меньшую активность населения, чем совершение такого же преступления взрослым человеком. Однако это общее правило корректируется целым рядом обстоятельств. Абстрактный подросток Н., совершивший преступление, для определенного количества лиц является вполне конкретным хулиганом Витькой Ивановым, терроризирующим всю округу. Этот определенный контингент в данном случае будет весьма активным. Таким образом, абстрактный старик, абстрактный подросток вызовут меньшую активность, чем абстрактный взрослый преступник. Однако активность тех граждан, для которых абстрактные старики и подростки стали конкретными лицами, будет зависеть от того, что это за старик и что за подросток, то есть вступят в действие изложенные выше закономерности.

Отсюда – требование к наличию живых деталей в информации следователя.

Составной частью отношения населения к преступлению является также отношение к потерпевшему, к жертве преступления⁹⁸. Оценка гражданином потерпевшего может как увеличить его активность, так и уменьшить ее. Вообще-то убийство как одно из наиболее серьезных опасных преступлений вызывает большую активность граждан в оказании помощи расследованию. Но вот ситуация, когда личность убитого (его отрицательная оценка общественным мнением) свела на нет это общее правило. В г. Пласт Челябинской области был убит вор и признанный глава местных хулиганов некто Пролубин. Когда следователь и оперативные работники обратились к населению с просьбой помочь установить убийцу, то на их призыв никто не откликнулся. А наиболее откровенные в беседах заявляли: «медаль нужно дать тому, кто это сделал», «собаке – собачья смерть». Убийца – сожительница Пролубина – была арестована не благодаря помощи населения, а, скорее, вопреки его молчаливому желанию.

Сильно сказываются данные о личности потерпевшей на общественном мнении по делам об изнасиловании. Надругательство над малолетней удесятерит активность, изнасилование женщины, ведущей развратный образ жизни или двусмысленностью своего поведения способствовавшей совершению преступления, может свести активность на нет.

В Киевском районе Москвы была изнасилована В. Возвращаясь с вечеринки, она подошла к группе пьяных парней в возрасте от 17 до 20 лет, согласилась с ними выпить, дала денег на водку, а затем пошла в подвал пить эту водку, где и подверглась насилию. Активность окру-

⁹⁸ К сожалению, виктимология – наука о потерпевшем – не получила в нашей стране широкого распространения. Уголовно-правовое значение «вины потерпевшего» анализируют П. Дагель (Вина потерпевшего в уголовном праве // Советская юстиция. – 1967. – № 6) и Н. Кузнецова (Уголовное значение «вины потерпевшего» // Советская юстиция. – 1967. – № 17). Обращает внимание на ее криминологическое значение В. Н. Кудрявцев (Причинность в криминологии. – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 49).

жающих – нуль. Зато в другом случае почти все взрослое мужское население окрестных деревень откликнулось на призыв следователя принять участие в поисках и поимке преступника, изнасиловавшего девочку⁹⁹.

Как правило, посягательство на малолетнего или несовершеннолетнего вызывает более сильные эмоции у населения. Это и понятно: чем менее способен защищаться сам потерпевший, тем большую энергию проявят в его защите окружающие. Кроме того, здесь играют роль и родительские чувства, свойственные каждому нормальному человеку, опасения за своих собственных детей.

При прочих равных условиях активность граждан оказывается обычно минимальной, если потерпевший сам привел себя в состояние, сделавшее возможным совершение преступления. Это относится, например, к раздеванию пьяных.

Замечено также, что гражданин проявляет большую активность в тех случаях, когда потерпевшим оказывается знакомый или даже просто известный ему человек. В такой ситуации фигура потерпевшего из абстрактной становится более конкретной, и причиненное ему зло вызывает более сильные эмоции. Активность возрастает и в тех случаях, когда потерпевший, хотя и не знаком гражданину, от которого ожидается проявление активности, но является его сослуживцем, коллегой по профессии и т. п. В определенных условиях такие же результаты вызывает общность национальности¹⁰⁰.

Словом, во всех тех случаях, когда гражданин по тем или иным признакам найдет сходство между собой и потерпевшим, зачислит себя и потерпевшего в одну и ту же группу, его содействие расследованию и раскрытию преступления будет более энергичным.

Сила эмоций, возбуждаемых преступлением, зависит также от сравнительной ценности того блага, которого потерпевший лишился в результате преступления. Кража даже небольших ценностей у трудно живущей семьи способна подчас вызвать большую активность населения, чем кража более значительных ценностей у семьи обеспеченной. Вряд ли всколыхнет население кража имущества, нажитого, по общему мнению, нечестным путем.

---

⁹⁹ См.: Н. Е. Павлов. О формах и методах привлечения трудящихся к участию в расследовании преступлений // Труды ВШ МООП РСФСР. – Вып. 8. – М., 1963 – С. 235.

¹⁰⁰ «Сходство по возрасту, полу, этнической принадлежности или любой общий интерес участников, – пишет Т. Шибутани, – составляют основу для объединения» (Т. Шибутани. Социальная психология. – М., 1969. – С. 34). И в другом месте: «...люди определяют себя с помощью таких конвенциональных категорий, как возрастная группа, пол, род занятий, этническая группа и социальный класс. Всякий раз, когда задеваются категории, с которыми человек себя идентифицирует, он реагирует так, словно затронут лично он» (Там же. – С. 184–185).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.